

а

№ 2 (89) 2011

абазжур

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

**«Увага! Гэты артыкул
утрымлівае
неправярную
інфармацыю» 56**

Макет налэпак Том змясціў у сваім блогу tomscott.com. Ідэя набыла папулярнасць сярод ягоных наведвальнікаў, якія пераклалі надпісы на 16 моў свету.

**Журналісцкая этыка часоў
скампраметаванай
дэмакратыі 2**

Мы занадта сапсаваныя нашай мінуўшчынай. Этыка для большасці з нас пакуль як шырокавядомая валізка без ручкі, якая тэарэтычна яшчэ можа спатрэбіцца.

Хто такі Фядута . . . 10

Ёсць людзі, якія б зжэрлі яго — не падавіліся, нават з улікам габарытаў. Яны ведаюць: той, хто дае вынік, небяспечны мэтамі, якія ён ставіць.

ТРЫМАЙСЯ ПРАУДЫ!

БАЖ запрашае да ўдзелу ў творчым конкурсе «Вольнае слова»

Конкурс праводзіцца штогод з мэтай удасканалення прафесійнага майстэрства супрацоўнікаў незалежных друкаваных СМІ і інтэрнэт-выданняў, заахвочвання таленавітых журналістаў, стымулявання іх дзейнасці па абароне агульначалавечых каштоўнасцяў, у тым ліку прынцыпаў прафесійнай журналістыкі і свабоды слова.

«Драматычныя падзеі мінулага года засведчылі ступень запатрабаванасці вольнага слова ў нашай краіне. А конкурс дазваляе нам захоўваць стандарты прафесіі ды супрацьстаяць спробам дэвальвацыі прынцыпаў якаснай журналістыкі», — лічыць старшыня конкурсу Юрась Карманаў.

Удзельнічаць у конкурсе маюць права толькі сябры ГА «БАЖ».

На конкурс прымаюцца журналісцкія матэрыялы, апублікаваныя з 1 студзеня 2010 года па 31 снежня 2010 года ўключна. Даслаць творчыя працы неабходна да 20 красавіка 2011 года (па паштовым штэмпелі). Вынікі будуць падводзіцца ў траўні 2011 года.

На конкурс прымаюцца не больш за 3 матэрыялы аднаго аўтара.

Намінацыі конкурсу:

1. Найлепшы інфармацыйны матэрыял (рэпартаж, інфармацыйнае паведамленне, інтэрв'ю)

Ацэньваецца:

арыгінальнасць інфармацыі (інфармацыйны факт, інфармацыйная нагода);
адпаведнасць прынцыпам падачы навін;
арыгінальнасць загаловка, лід;
спосабы дасягнення эфекту прысутнасці (для рэпартажу);
аўтарскі стыль.

2. Найлепшая аналітычная публікацыя (артыкул дыскусійнага, аналітычнага, тлумачальнага плану, карэспандэнцыя, рэцэнзія)

Ацэньваецца:

грамадская значнасць узнятай праблемы;
адпаведнасць прынцыпам напісання аналітычнага, дыскусійнага тэксту;
прапорцыі «прысутнасці» меркаванняў аўтара і экспертаў, доказнасць;
стыль, спосабы аўтарскай падачы;
«прывязка» да мясцовых праблем.

3. Найлепшая публікацыя літаратурна-мастацкага жанру ў журналістыцы (нарыс, эсэ)

Ацэньваецца:

выбар тэмы;
пераканальнасць аўтарскай аргументацыі,
 доказы;
аўтарскі стыль.

4. Журналісцкае расследаванне

Ацэньваецца:

выбар тэмы, грамадская значнасць узнятай праблемы;
пераканальнасць аўтарскай аргументацыі,
 доказы;
аўтарскі стыль.

5. Намінацыя «Дэбют» — для маладых журналістаў і пачаткоўцаў, стаж працы (альбо супрацоўніцтва з рэдакцыяй) якіх не перавышае трох гадоў.

Патрабаванні да афармлення конкурсных матэрыялаў

На конкурс прымаюцца выразкі публікацый (альбо іх якасна зробленыя копіі), завераныя рэдакцыйнай пячаткай і падпісам кіраўніка рэдакцыі.

Абавязкова трэба:

прыкласці электронны варыянт матэрыялу ў фармаце .doc (MS Word) і падаць найпроставы лінк на яго ў Сеціве (калі гаворка ідзе пра інтэрнэт-публікацыю);
пазначыць дату выхаду публікацыі (на кожным артыкуле);
падаць кароткія звесткі (не больш за адзін аркуш фармату А4) пра свой творчы шлях (што палічыце патрэбным).
Пазначце таксама вашы кантактныя дадзеныя: нумар тэлефона, электронны адрас.

Матэрыялы на конкурс можна перадаць у офіс ГА «БАЖ» асабіста ці даслаць па пошце заказным лістом з пазнакай на канверце «Конкурс». Наш адрас: 220030, Мінск, вул. Камсамольская, 7-32; e-mail: press@baj.by (з пазнакай «Вольнае слова»).

а абажур

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

ТРЫМАЙСЯ ПРАВДЫ!

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»

Перыядычнасць: 1 раз у 2 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
№ 2 (89) 2011 г.

Галоўны рэдактар

Уладзімір Барысавіч Дзюба

Фота

Photo.bymedia.net

На вокладцы –

Фота з архіва «Абажура»

Апошняя вокладка –

Фота Аляксандра Зянкова

Выданне зарэгістравана ў Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь, рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009 г.

Падпісана да друку 01.03.2011 г.

Дата выхаду
Фармат 60x84 / 8.

Папера афсетная.

Друк афсетны. Ум. друк. арк.

Наклад 500 асобнікаў.

Заказ №

Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:

220030, г. Мінск,

вул. Камсамольская, 7–32.

Тэл./факс: (017) 203-63-66,

(029) 126-70-98

E-mail: abajur@baj.by,

baj@baj.by

Сайт: www.baj.by

Друкарня СТАА «МЕДЫСОНТ»

ЛП № 02330/0150444 ад 19.12.2008 г.

Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.

Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,

(029) 623-74-10

medisont@gmail.com

www.medisont.com

У адпаведнасці з Законам аб друку

аўтары нясуць адказнасць

за падбор і дакладнасць фактаў,

прыведзеных у артыкулах.

Рэдакцыя можа публікаваць матэрыялы ў парадку абмеркавання, не падзяляючы пункту гледжання аўтараў.

Вельмі ціхі голас 2

А. Гуляеў

Сяргей Вазняк: 41 дзень у «амерыканцы» 6

В. Котава

Хто такі Фядута 10

В. Котава

Наталля Радзіна:

«Не магу, не хачу і не буду маўчаць» 13

І. Хоміч

Журналістыка і таталітарызм 17

А. Гужалоўскі

Калі горы ідуць да людзей 24

В. Равінская

Ключы ад кватэры

давалі толькі ў часы СССР 26

Т. Гусева

БАЖаўцы вызначылі лепшыя філіі года 28

Забойства паліцэйскага дэмакратыі 31

А. Санаценка

Кур'ерскі цягнік. «Брэстскому курьеру»

споўнілася 20 гадоў 33

М. Аляксандраў

Эдуард Мельнікаў паміж «да» і «пасля» 35

М. Бяляцкая

Генадзь Бураўкін: «Назваць тэлебачанне 80-х

пазбаўленым нацыянальных прыкмет можа

толькі поўны дэмагог!» 42

Ю. Міхалевіч

Незваротная дэрусіфікацыя 44

К. Лашкевіч

Навучым і навучымся.

Інтэрв'ю з А. Казуліным 53

«Увага! Гэты артыкул утрымлівае

неправераную інфармацыю з Вікіпедыі» 56

Х. Марчук

Майстэрня Вячаслава Дубінкі 57

У меня есть только один тиран —
и это тихий голос моей совести.

Махатма Ганди

Анатолий ГУЛЯЕВ

Очень ТИХИЙ ГОЛОС,

*или Журналистская этика
времен скомпрометированной
демократии*

Немного истории

Вначале, наверное, следует разобраться с терминологией. Потому что этика — как сельское хозяйство: никто толком не знает, что это такое, но все всё в этом понимают. В результате то и другое иногда так запутываются, что, к примеру, термин «рапсодия» видится производным от слова «рапс».

...Короче, отметим для начала, что термин «этика» впервые употреблен Аристотелем. Основной целью этики Аристотель называл счастье — деятельность души в полноте добродетели, то есть самореализацию. А самореализация — это разумные поступки, которые избегают крайностей и держатся золотой середины. Отсюда и так называемое золотое правило этики: *не делай другим того, чего не желаешь себе!* Если каждый журналист в рамках профессиональной этики будет понимать хотя бы это — уже почти достаточно.

Между прочим, само понятие профессиональной этики возникло ужасно давно — в XI–XII веках нашей эры, когда в цеховых уставах ремесленников впервые появились нравственные требования. Причем такие профессионально-этические кодексы, как Клятва Гиппократова, нравственные установления жрецов, исполнявших судебные функции, известны гораздо раньше.

Однако не будем сравнивать журналистов и жрецов, хотя многие из нас причисляют себя именно ко второй категории. Но и в журналистике разговоры на тему, что должны и чего не

должны делать коллеги, ведутся давно. Из дошедших до нас печатных трудов можно упомянуть, например, статью Михаила Ломоносова, датированную августом 1754 года.

История проста, как бутерброд, и современна, как все блоги с твиттерами вместе взятые. В одном из тогдашних журналов Ломоносов был подвергнут критике — по его мнению, несправедливой. Но ни БАЗ, ни БСЖ с их этическими кодексами тогда не было. Как не было и никакой «главной» газеты вроде «Советской Белоруссии», которая могла бы уверенно обвинить критиков в антигосударственном заговоре. Поэтому Ломоносову пришлось самостоятельно писать статью *«Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободы философии»*, высказывать мнение о качестве критики и о журналистике в целом. *«Силы и добрая воля — вот что от них требуется, — пишет Ломоносов, имея в виду журналы и журналистов. — Силы, чтобы основательно и со знанием дела обсуждать те многочисленные и многообразные вопросы, которые входят в их план; воля — для того, чтобы иметь в виду одну только истину, не делать никаких уступок ни предубеждению, ни страсти».*

И далее о том, что сегодня называется объективностью, непредвзятостью, необходимостью демонстрировать все точки зрения...

Надо сказать, проблемы этики в журналистском сообществе с течением времени стали

обсуждаться все чаще. Хотя, разумеется, внедрялась такая практика трудно. В этом контексте нельзя не вспомнить хотя бы «Одесский листок», издававшийся с 1872 года Василием Навроцким. Он «никаких этик» не признавал и прямо призывал своих корреспондентов «разделять под орех городских деятелей». Как писал потом об этом издании и его журналистах Владимир Короленко, «разделять» — это их ремесло. Они прежде спрашивают, кого нужно «оплевать», а уж после подыскивают резоны».

Правда, этот стиль работы вызывал неприятие не только Короленко: большинство известных журналистов уже тогда не принимало такие методы. В газетах и журналах вплотную подходили к созданию собственных этических кодексов. Общественное сознание начало признавать необходимость формирования нравственных основ «второй древнейшей». Виднейшие публицисты России: Влас Дорошевич, Владимир Гиляровский, Владимир Короленко и многие другие, — говорили и писали о нравственности журналистики...

В 1862 году наш Кастусь Калиновский заявлял: «Каб расталкаваць людзям, у чом праўда, я пішу пісьмо, а пісаці буду, як Бог і сумленне кажэ, — вы адно мяне, такога самага мужыка, як і вы, паслухайце добра» («Мужьцкая праўда» № 2, 1862 год).

Писать, как Бог и совесть говорят, — очень недурно сказано! Словом, журналистское сообщество уверенно шло к тому, что потом на Западе

было названо «саморегулированием». Но на территорию тогдашней России (включавшей Беларусь) пришла советская власть, которая это движение остановила.

Непримиримая и беспощадная

Теория советских СМИ сразу определила журналистику как «социальную деятельность, связанную со сбором, передачей и распространением информации через массовые каналы связи, нацеленную на **пропаганду и агитацию**». В качестве основных ценностей были выдвинуты партийность, классовость, непримиримость. Об аристотелевской добродетели речи не шло вообще. Упоминать Бога было, Боже упаси, запрещено. Именно тогда Владимир Ленин в известной работе «Задачи союзов молодежи» заявил, что в вечную нравственность мы (то есть советская власть) не верим, сказки об этом отвергаем, нравственным считаем то, что служит делу строительства коммунизма.

Проще говоря, добро — то, что нам выгодно. Зло — то, что нам невыгодно. И вообще — нет литераторов беспартийных!

То есть то, что сегодня подвергается сомнению, — право журналиста принадлежать к той или иной партии — тогда возводилось в абсолют.

Фото А. Зенкова

О профессиональной этике не говорилось на журфаках университетов, о ней практически не упоминалось в учебниках. Во всем остальном мире журналисты уже брали на себя обязательства распространять объективную информацию, добивались внесудебного урегулирования конфликтов через созданные сообществом комиссии и комитеты... А у нас (почти целый век!) все определяли чиновники от лица государства. Но, как писал Святой Августин Блаженный, «...*что такое государства, как не большие разбойничьи шайки; так как и сами разбойничьи шайки есть не что иное, как государства в миниатюре. И они так же представляют собою общества людей, управляются властью начальника, связаны обоюдным соглашением и делят добычу по добровольно установленному закону*» («О Граде Божием»).

Таким образом, в советской журналистике выработалась простая и надежная схема, за долгие годы укрепившаяся как в головах профессионалов, так и в общественном сознании: *основное правило нашей профессии есть полное подчинение группе чиновников, наделенных властью.*

Ну и при чем тут «вторая древнейшая»? Ведь роль советской прессы — это даже не роль проститутки, которая все же может выбирать клиентов. И не роль жены, которая в не поддающемся учету количестве случаев не столько подчиняется, сколько уверенно командует. Это, скорее, роль бесправной наложницы, которую может... использовать каждый дурак.

После перемен

...Потом произошли демократические перемены. Если в недемократическом государстве журналистская этика просто отсутствовала как в теории, так и в практике, как в быту, так и в общественном сознании, то в первые годы демократизации в теории и даже в законодательстве она робко заявила о своем присутствии. Были созданы Комитет по этике БСЖ и Комиссия по журналистской этике БАЖ. Были узаконены основные формулировки: *профессиональная этика есть совокупность категорий, ценностей, норм и правил, которые присутствуют в профессиональном сознании журналиста, составляя его важную часть — профессиональную мораль, и регулируют тем самым профессиональную деятельность.*

Но — вот проблема! В практике и общественном сознании «*тихий голос совести*» еще не возник. И полный диктат сменился всего лишь полной безнаказанностью — то есть категорией, от которой до профессиональной этики, как от Шклова до Вашингтона пешком.

Это как у подростка из строгой семьи, который, вырвавшись, наконец, в самостоятельную жизнь,

начинает делать сразу все то, что ему было запрещено. А также то, что не было запрещено, но хочется! А также то, чего не хочется, но все вроде как делают... И так далее!

Именно поэтому в первые годы независимости лучшими журналистами у нас считались те, кто больше **нахулиганит** на страницах газет или в эфире. Они получали премии, на их примере следовало учиться. И многие учились.

Потом, правда, время подтвердило профессиональную несостоятельность большинства из тех героев. Но они **были** и свой дурной пример продемонстрировать успели. Тут ничего не поделаешь.

Правда, с некоторым облегчением можно сказать, что это касается не только тогдашней журналистики. Вся тогдашняя демократия умудрилась скомпрометировать самое себя до такой степени, что в общественном сознании быстренько возникли сожаления о прошлом. Что и выразилось во вполне добровольном поиске какого угодно «*батьки*». А закономерность такова, что когда чего-то на свою шею ищешь, то обязательно находишь — от доброго «*батьки*» до чрезмерно ревнивой жены. И, что характерно, как первый, так и вторая на твою шею потом обязательно садятся.

Территория души

Собственно говоря, проблема даже не в «*батьках*» и не в плохом примере нахулиганивших журналистов или тех, кто слепо выполнял самые, pardon, паскудные команды, ваяя фильмы типа «*Площадь. Железом по стеклу*». Или задолго до судов публикуя на страницах тиражных газет истории «*заговоров*»...

Проблема в том, что профессиональная и жизненная практика большинства из нас почти никогда не регулировалась тем, что называется словом «*нравственность*» — *совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу.* А ориентировалась исключительно на эгоистические ценности, выработанные в вековой борьбе за существование в условиях полного к этой самой нравственности пренебрежения! Перестроиться на нравственные ценности: то есть не убивать, когда можно безнаказанно и выгодно убить; не воровать, когда можно безнаказанно украсть; не доносить; не возжелать жены ближнего, когда можно безнаказанно и с удовольствием ее возжелать и получить; не клеветать, когда можно оболгать — безнаказанно, за хорошее «*бабло*»... Отказаться от таких возможностей во имя нравственности (в нашем случае — во имя бесплатной журналистской этики) для многих почти так же невозможно, как для изголодавшейся кошки отказаться от уже

зажатой в лапах мышки исключительно во имя идеалов вегетарианства.

Мы слишком испорчены нашим прошлым. Этика для большинства из нас пока только как широко известный чемодан без ручки, который теоретически может пригодиться, но неудобен в обращении и уже сегодня сильно мешает. Отсюда большинство нарушений, с которыми уже пришлось разбираться комиссии по этике БАЖ.

Нам предстоит пройти еще очень большой путь, может быть, длиною в несколько поколений, прежде чем мы сможем добровольно не воровать, не подличать и даже отказываться от «бабла», которое само идет в руки.

За что боролись

К проблеме профессиональной этики у разных профессионалов разное отношение. Бывший заместитель главного редактора лондонской газеты «Observer», автор книги «Универсальный журналист» Дэвид Рэндал считает, что *«следует толковать этику не как свод неких заповедей, а как принципы, которые помогут журналисту без опаски заниматься своим делом»*. Хотя в правилах, которые он же предлагает соблюдать, заботы о нравственности ровно столько же, сколько заботы о безопасности. Тем более что то и другое очень часто переплетаются. Ведь, скажем, воровать информацию, сдавать ее источники в приличном обществе опасно — можно потерять работу, лишиться тех самых источников. И так далее — нарушения этики опасны и очень часто, кроме проблем, ничего не приносят. А если и приносят, то ненадолго. Правда, это в приличном обществе...

Очень характерный пример: накануне выборов комиссия по этике БАЖ выступила с заявлением, в котором говорилось, что в ходе избирательной кампании так называемые «государственные» СМИ нарушают собственный Кодекс профессиональной этики журналиста. Недовольных было много, но опротестовать заявление никто не смог. Более того, сразу после выборов по команде власти те же «государственные» СМИ в нарушение этических кодексов, без суда и следствия выдвинули ряд обвинений против видных деятелей оппозиции. Все тот же принцип полного подчинения группе чиновников, находящихся у власти.

После чего был составлен и опубликован список ряда журналистов и чиновников Мининформа, объявленных невъездными в страны Евросоюза и США.

...Иногда сегодня задают вопрос: а кто взял на себя смелость составить этот список? Ни одна общественная организация пока не призналась в причастности к этому «воспитательному»

процессу. Смею уверить, что и автора никто не спрашивал, хотя, на мой взгляд, вне списка осталось много персонажей, которым там следовало быть.

Да и сам вопрос, по сути, бестолков. Я бы ответил на него так: а какая вам разница? А вы знаете ответ на вопрос, кто и по какому принципу формировал список обвиняемых в организации массовых беспорядков? Кто определял, в каких редакциях провести обыски? Кого из журналистов таскать на допросы?

Это — вопросы, на которые следовало бы знать ответ.

И еще. В хоре голосов, обсуждающих тему «журналистского» списка, прозвучало и несколько таких, которые предлагают общественному мнению странную, на мой взгляд, мысль: так им, тем, которые в списке, конечно, и надо! Но что о них говорить: по большому счету они и не журналисты вовсе...

То есть среди «наших» такого быть не может. То есть мы — беленькие и пушистенькие и такими остаемся! А они не журналисты, так — видимость одна...

Понимая стремление откреститься и сохранить «белизну одежд» представителей профессионального цеха, вынужден заявить: это неправда! Они, разумеется, журналисты, есть среди них и неплохие — хотя лучшими никого из них я и в «досписковские» времена называть не стал бы.

Но они — плоть от плоти нашей и кровь от крови. Они — такие, как большинство из нас, и только волей случая многие из них там, а многие из нас — тут. Людей, сделавших нравственный выбор в пользу объективной информации, а не в пользу «Чего изволите?», всегда было немного. А в большинстве случаев вопрос выбора — это только вопрос цены. Вспомним Маслокову, людей из БДГ и пр.

Я это к чему? Я это к тому, что в итоге каждый получает свое — конечно, в зависимости от того, какой цех он однажды выбрал. Потому что выбирать приходится всегда.

А вы говорите — этика...

Варвара КОТОВА,
Zapraudu.info

**СЕРГЕЙ
ВОЗНЯК**
41 ДЕНЬ В
«АМЕРИКАНКЕ»

«Я вернулся другим»

Сидим в кафе. Слушаю Сергея и вспоминаю почему-то совсем не к месту, как в советском кино про Калиостро итальянец Жакоб с лицом Абдулова божится: «Я вернусь. Только обязательно другим — вот те крест... совсем другим!»

...Хотя — почему «не к месту»? Если выкинуть из фразы комический пафос (речь-то у нас не о смешном — о СИЗО КГБ) да вспомнить, насколько умное получилось у Захарова кино, то вовсе и не кошунственна эта аналогия. Комедия 80-х и трагедия 2010-го во многом перекликаются. Все те же сюжеты: фальсификация, нелепое положение, попытка выкрутиться, Европа, уступки, любовь, дружба, власть, политика, ну... и все такое.

Мы говорили совсем не эпохально. Да и тема ограничена: о подробностях уголовного дела нельзя, о тех, кого выпустили вместе с ним, Сергей мало знает, о тех, кто там остался, — не знает совсем. В такой ситуации поначалу не грех вспомнить, что именно имел в виду народ, сочиняя пословицу: от сумы и от тюрьмы не зарекайся.

«Мебель» сколотили заранее

— Я был уверен, что до тюрьмы дело не дойдет. Совершенно был спокоен, даже когда меня завели в камеру, — начал рассказывать Возняк. — Там уже было пятеро мужиков — я шестой. А камера двухместная. Вот захожу я с доской. Мне дали такой свежесработанный настил для сна — я так понял, что их там сколачивали заранее: СИЗО и так заполнено — там, по-моему, всего 18 камер переполненных, и нас еще всех нужно было разместить.

— То есть эти «доски» были приготовлены заранее?

— Я думаю, там уже было приблизительно известно, кого и сколько поместят. Я бы вообще мог на Площадь не ходить, все равно место было уже выделено. Но я имел несколько иное представление о предстоящей отсидке, которую, конечно, не исключал. Накануне задумался о возможных последствиях 19 декабря. Понимал: намереваюсь совершить административное правонарушение,

участвуя в несанкционированном митинге на Октябрьской площади. Наказание максимум 15 суток на Окрестина. К этому я был готов: тепло оделся, похуже вещи выбрал. Когда ко мне в половине пятого утра приехали люди из КГБ — человек 10–12, — я был спокоен. Они пришли без наручников, дали время одеться, все было корректно.

Я отнесся достаточно легкомысленно, потому что на самом деле для меня все закончилось накануне вечером — в 19 часов, когда избили Некляева. Без лидера мы практически уже не участвовали в событиях. Я думал: поддержат трое суток и выпустят 22–23-го... Даже когда в камеру, рассчитанную на двоих (не более 9 квадратных метров), меня шестым поместили, я решил, что трое суток переживу.

Но на первом допросе выяснилось, что я тут нахожусь в качестве подозреваемого, а это уже не трое, а 10 суток. Когда по истечении 10 суток зампрокурора Минска предъявил обвинение в организации массовых беспорядков (от 5 до 15 лет), от легкомыслия не осталось и следа. На душе стало очень тяжело. А сокамерники мои — ребята опытные, каждый подолгу уже там сидит — сказали: «Если не выпустили в первые дни, готовься: минимум 2 месяца. Поскольку у вас там «групповое», наверняка до 20 февраля продлят или, скорее, до полугода — за 2 месяца они не успеют всех допросить».

Мне стало как-то уж очень нехорошо: появилось самоедство, всякие паршивые мысли. Я думал о детях, о родителях. Родители мои в России, отец в больнице, я ему последний раз 19 декабря звонил — мама в каталке его по больнице возит... Я про него ничего все это время не знал. Эта неизвестность очень тяготила.

— А сокамерники как приняли?

— Захожу я со своей доской, дверь захлопнулась, матрац мне кинули. Мужики говорят: с постелью разберемся позже, до вечера еще далеко — давай знакомиться. Политический? Ну — неважно. Пока ты тут в курс дела войдешь, должен понять два главных правила, их нарушать нельзя. Первое: вот ведро, туда — только по малой нужде. Но всегда сначала посмотри, чтобы в это время никто не ел. И наоборот — не ешь, когда кто-то у ведра. Второе правило — ни слова о сексе. Я удивился: там самому молодому 27 лет, старшему — 36. Не понимаю, почему не поговорить? В чем острота вопроса? Вот я на Окрестина в мае трое суток отсидел — обсуждали без проблем. А они говорят: мы тут давно сидим — этот год, тот — полтора. Если заикнешься...

И тут я вдруг понял, куда попал. Дело совсем не в сексе. Не только в нем. Здесь было тяжело именно морально... Но на себе я это моральное давление во всей полноте ощутил потом.

Что значит отказаться от сахара

— Самый тяжелый день помнишь?

— Новогодняя ночь. Так было плохо, просто совсем... Там плохо всегда, но каждый преодолевает трудности в зависимости от ситуации и индивидуальных качеств. Про меня сокамерники говорили: внешне никак по мне не заметны переживания. Но я старался изо всех сил. Я решил для себя, что это — снова армия, снова я попал в казарму, только тут нет увольнений.

Потом я подумал: неплохо бы что-то изменить в своей жизни. Я очень люблю в чай добавлять побольше сахара, и соль люблю — всегда, когда сажусь обедать, не пробуя, сразу подсаливаю. Там я решил — ни сахара, ни соли, пусть, думаю, хоть какая-то польза организму будет. Как ни странно, эта, казалось бы, мелочь отвлекала от мыслей. Надо было справиться с желанием подсластить-подсолить. Я и справился — сейчас обхожусь без сахара и соли.

Потом, когда меня перевели в другую камеру, я стал два раза в день делать гимнастику. Там сидел руководитель ФОКа — мастер спорта. Он стал как бы персональным тренером для меня. Мы взяли четыре бутылки от минеральной воды, зашили в мои старые армейские кальсоны (я извиняюсь за эту интимную подробность) — получилась гантель весом в 6 кг. Я с ней каждый день два раза делал гимнастику, чтобы не поехала крыша. А там многие близки к этому: срывы бывают практически у всех. Некоторые вдруг часами начинают смотреть в потолок, или кто-то непрерывно ходит по камере, рассказывая, как ему плохо. Там всем плохо. Но никто не прерывает чужие внезапные стенания. Все молчат. Потом человек придет в себя и сам извинится: «Ребята, простите, вспомнил семью и...»

О чем думает арестант

— Ты знал что-нибудь о судьбе остальных «политических»?

— Нет. Но я увидел Андрея Дмитриева по телевизору в первый же вечер. В «американке» можно смотреть телевизор. Вернее, можно было до того, как туда поместили участников событий на Площади. Два дня мы смотрели белорусские каналы. Потом телевизор «сломался» — с кабелем там что-то. Нам обещали все исправить, но, пока я там был, ничего, конечно, исправлять не стали.

— Как ты отреагировал на то, что успел увидеть?

— На второй день нам показали пресс-конференцию Лукашенко, где он похвалил «молодого парня, начальника штаба Некляева» за то, что

тот говорит «спасибо милиции, которая спасла от хулиганов». Я подумал, Андрей сделал это заявление, чтобы нас выпустили побыстрее. Тогда я еще надеялся: Некляева на площади не было, мы практически никуда не дошли... О том, что Андрея выпустили, мне сказали сокамерники — в той второй камере, куда меня перевели. Сначала я не поверил. Но они знали точно: Андрей именно там был — до меня. Я надеялся что-то понять из новостей. Но тут как раз «сломался» кабель, перестали в камеры пропускать «неправильные» газеты, а «СБ» никто из сокамерников не выписывал.

Писем мне не передавали, и мои не доходили до адресатов. Я написал семь писем. Дошло только одно — уже в конце января. Все оставшееся время я сидел в полной изоляции... Сидишь и перебираешь: что происходит, что еще будет?.. Несколько раз такое отчаянье наступало!

— *Рассказывают, уже стало доброй традицией передавать тебе футболки «со значением» — как закамуфлированное письмо с воли...*

— А тут есть предыстория! В мае, когда после разгрома офиса «Говори правду» я сидел на Окрестина, моя бывшая жена подготовила мне передачу. Я был очень благодарен ей за это — на тот момент мы уже были в разводе, и она не обязана была заботиться обо мне. Но еще больше я порадовался передаче от жены, потому что она без всякой задней мысли выбрала наугад майку, которая меня невероятно подбодрила. Я сидел за кампанию «Говори правду». А майка оказалась

с логотипом БАЖ: «Трымайся праўды!» В ней я отмотал две трети срока.

Я всем об этом случае много раз рассказывал, и мои близкие догадались передать мне и сейчас майку, но с логотипом партии «Справедливый мир». На ней написано: «Новые возможности». Работники изолятора ее пропустили, а для меня это был сигнал: обо мне думает моя партия. Я ведь не знал тогда про Пленум, про то, что Калякин делал заявления, что товарищи мои собирали деньги в поддержку моей семьи — была очень сильная поддержка. Но я же этого не знал. И все же, получив майку, понял, что меня не бросят в этой ситуации.

— *Какие моменты, связанные с семьей, беспокоили больше всего?*

— Я много думал о своих детях. На допросе я видел адвоката, мы договорились, что, если мне реально будет грозить серьезный срок, она свяжется с людьми, которые помогут выучить детей, — это мои бывшие сослуживцы. Мы встречались недавно на юбилее выпуска Свердловского военно-политического училища, и я понял, что дружба — та, которая проверяется временем, — сохранилась. Я знал, что могу положиться на этих людей. Поэтому я был уже в определенной степени спокоен в отношении детей.

— *Было что-то, на что ты бессилён был влиять?*

— Да. По-настоящему меня беспокоило только то, что женщина, которую я люблю, меня может не

В майке с логотипом БАЖ Сергей вышел после административного ареста. В СИЗО КГБ ему передали майку с логотипом партии «Справедливый мир»

Фото из архива «А»

дождаться. Я очень боялся этого. Меня могли осудить минимум на 5 лет — много для сохранения отношений. Это было мое самое уязвимое место, совершенно незащищенное — ничем.

— *Какое настроение теперь?*

— Я уже 5-й день на свободе. Не скажу, что особо интересуюсь тем, что про нас писали СМИ, в основном питаюсь разговорами. Четыре дня потратил, чтобы обойти друзей, которые не отвернулись: просто хотел сказать всем «спасибо» и извиниться перед теми, с кем раньше конфликтовал. С одним человеком я поссорился буквально накануне событий и не извинился, а потом, в камере, уже по-другому на все смотрел. В камере все воспринимаешь иначе.

Вообще, как ни странно это прозвучит, я во многом благодарен КГБ: Возняк, которого они сажали 20 декабря, был худшим человеком, чем тот Возняк, которого они отпустили 29 января. Я действительно сейчас другой. Пусть это банально, но «на бегу» мы многое упускаем. Почему-то нам, чтобы по-настоящему оценить жизнь: небо, природу, — надо немножко в «аду» побывать. Тогда все эти данности ценишь особо. Но самое ценное — человеческие отношения. Теперь я это знаю.

Часто из-за упрямства, гонора или по другим каким-то причинам мы можем обидеть, не уступить... Я не очень конфликтный человек, но все равно мог бы быть и помягче во многих случаях. В камере конфликт мог возникнуть на каждом шагу, но у всех хватало ума не замечать и относиться с пониманием.

— *Надолго ли хватит прозрения?*

— Я очень надеюсь, что мне удастся в себе сохранить это ощущение. И я точно не забуду: главное — всегда оставаться человеком. Не ссориться, не цеплять — а я раньше мог, пусть и без злобы...

Я вижу, кто как повел себя в создавшейся после выборов ситуации. Вот я сейчас на свободе, а некоторые даже не звонят. Не хотят или боятся? Сын мне сказал: «Сейчас сразу видно, кто на самом деле тебе друг».

— *Можешь прокомментировать недавние «разоблачительные» публикации в «СБ»?*

— До суда выставлены на всеобщее обозрение материалы дела, которые просто нельзя было обнародовать! Мне-то запрещено разглашать до суда материалы дела, а им, получается, можно? Главное, люди (читатели) должны понять: ведь никто из тех, кто назван в «СБ» или на кого там намекали, не может ответить, опровергнуть! Мы связаны «неразглашением»! Я, к примеру, не имею права на эту тему даже рассуждать! Эти публикации — не журналистика и не расследование никакое. Это пропаганда чистой воды, которая, кстати, ведется

государственным изданием в нарушение Конституции этого самого государства. Уверен: журналисты «СБ» это и сами понимают. По идее, когда закончится уголовное дело, те, кто не осужден, могли бы такой иск редактору впасть! Любой честный представитель СМИ скажет: это заказ, на который профессионалы не пойдут никогда.

— *Как оцениваешь реакцию Евросоюза на все происходящее?*

— Я очень надеялся, что европейское сообщество за нас борется и переживает. Я на это рассчитывал. Но все же опасался, что ЕС пойдет на слишком жесткие санкции.

Сейчас у меня в голове главная мысль не о победе «мировой революции» и не о каких-то глобальных вещах. Я думаю только о том, чтобы из изолятора вышли все, кто там сидит. Какая для них лучшая перспектива — жесткие санкции или легкие? Полагаю, что легкие. Потому что, если власть продемонстрировала готовность к изменению позиции в отношении нас, отпустив многих, мягкие санкции — поощрение этих действий. Если бы ЕС поступил жестко, — неизвестно, вышли бы мы сейчас или нет. Для меня главное — чтобы все вышли, а потом я в рамках закона готов продолжать бороться за демократию, счастье всего народа и так далее...

— *Как раз и парламентские выборы не за горами. Есть планы в этом направлении?*

— Я человек партийный и живу по принципу: партия сказала «надо» — Возняк построился и пошел выполнять. Понятно, что партия «Справедливый мир» будет принимать участие в парламентских выборах. Я был в таких кампаниях во всех ипостасях — от волонтера и члена избиркома до кандидата в депутаты. Если и на сей раз товарищи выдвинут — пойду кандидатом, но сначала надо понять, чем закончится эта ситуация и будут ли у меня «новые возможности».

Варвара КОТОВА

Кто такой Федута

Федуту вдруг забоялся «самый главный» политик в стране. Говорят, в определенных обстоятельствах Александр Иосифович опасен — работает на результат. Сам Федута о себе, наверное, того же мнения. Рассказывают, как однажды, 16 лет назад, перед выборами первого президента он пошутил: «А вот и я иду — злобный Федута, — кушайте меня с маслом!»

Наклониться и поднять

Есть люди, которые слопали бы его — не подавились, даже с учетом габаритов. Они знают: тот, кто дает результат, опасен целями, которые ставит. А на кону была борьба за власть.

Бывший учитель из Гродно в 1991 году был избран секретарем ЦК ЛКСМ Беларуси и оставался в этой должности, пока весной 1994 года не зашла речь о выборах первого президента.

К тому моменту Федута был личностью уже известной, но особенно о нем заговорили из-за его причастности к избирательному штабу Лукашенко. Говорят, именно он привел директора совхоза из Шкловского района к власти. Именно он стал идеологом продвижения Лукашенко на олимп. Федута никогда и не отрицал своей роли в той 16-летней давности избирательной кампании. Но тогда сложилась классическая революционная ситуация, когда верхи не могли, а низы уже не хотели. Федута был среди тех, кто понял это и сообразил, как ситуацией воспользоваться. Власть нужно было — наклониться и поднять.

После победы Лукашенко Александр Федута стал начальником управления общественно-политической информации Администрации первого президента Беларуси. Однако уже через год бывший соратник понял, какие на самом деле задачи ставит пришедший к власти лидер.

Он перешел в оппозицию и работал журналистом ряда негосударственных газет: «БДГ», «Московские новости», «Имя», «Свободные новости», «Народная воля». Популярность его росла. Когда

в «Белорусской деловой газете» выходили его статьи, тираж еженедельника вырастал, как на дрожжах.

Пушкинист-биограф

Уйдя из практической политики, он совместил журналистскую деятельность с научной: защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблема читателя в творческом сознании А. С. Пушкина». Он был настолько увлечен этой работой, жизнью, творчеством и биографией великого поэта, что не заметил, как тусовка уже подшучивает над ним, называя «пушкинистом». Он не возражал против прозвища, поскольку по-прежнему считал себя в первую очередь литературоведом: писал уже докторскую диссертацию, тема которой перекликалась с прежней работой из «пушкинской эпохи». Одновременно он выступал с публицистическими статьями во многих печатных и электронных СМИ Беларуси, специализировался на жанре политического портрета.

В 2005 году вышла его «Политическая биография Александра Лукашенко» — первая биография первого президента, написанная членом его первого предвыборного штаба. Федута попытался исследовать перипетии и закономерности социально-политического процесса, связанного с рождением «новой» белорусской действительности. Показал, кто или что, с его точки зрения, привело нынешнего президента к власти: население, личный талант демагога, группа политиков, сделавших на него ставку. В отличие от политологов, считающих откровенность президента

в оценке довоенного политического устройства Германии ошибкой начинающего правителя, Федута утверждал: рискованные заявления — не дурь, а сознательный зондаж общественного мнения. «Биография» была основана на многочисленных беседах со сторонниками и оппонентами Александра Лукашенко и стала практически бестселлером.

Без космических амбиций

С каждым годом Федута становится определенному кругу чиновников все ненавистней: он «раскрывает карты», анализирует, собирает материал для книги реальных «анекдотов» из новейшей белорусской истории. Книгу он не дописал и по сей день — новейшая история никак не сделает паузу, чтобы можно было поставить точку и начать новый том. Одновременно он все время занимается любимым делом: прошедшей осенью издал очередную книгу «для полезного чтения» — собрание воспоминаний под общим названием «Поляки в Петербурге». Сборник включил исторические новеллы о бытовой и культурной жизни поляков Петербурга в первой половине XIX века.

Федута участвует в политических проектах соседних с Беларусью стран, пишет литературоведческие статьи и многочисленные остроумные комментарии в интернете, собирая огромное количество читателей, друзей и врагов. Во время радиодискуссий он сказал, что Лукашенко для Беларуси — это «бесконечная война то с Западом, то с Востоком, и сейчас эта война обретает все более и более страшные очертания». Федута насчитал восемь «войн» с Россией — начиная с молочной и заканчивая нефтегазовой.

Он не раз публично высмеивал президента: например, за то, что белорусский лидер предлагает сделать ставку на развитие нанотехнологий в то время, когда обычное УЗИ сложно пройти даже в некоторых городских медучреждениях.

А уж космические амбиции президента бывшему соратнику казались и вовсе неуместными:

— Он предлагает развитие космической отрасли после того, как единственный белорусский спутник грохнулся на землю у него на глазах!

Выборы-дурыборы

Накануне последних президентских выборов ситуация в обществе была далека от той, которая сложилась в 94-м. В большинстве своем низы уже снова «не хотят», но верхи все еще могут. Тем не менее

Федута включился в игру — стал экспертом кампании и доверенным лицом Владимира Некляева. Результат все увидели. Этому ему простить не смогли.

Конечно, работа велась всем штабом и целой командой Некляева. Но не заметить почерка «пушкиниста» было невозможно.

За неполный год создать и подвести кампанию «Говори правду» к выборам — с нуля, в беспрецедентно краткие сроки — это не просто «наклониться и поднять власть, валяющуюся в грязи». Тем более что цель была еще и долгоиграющей: добиться поддержки населения не только в ходе президентской избирательной кампании, но и на будущее — к парламентской гонке.

Кто станет спорить, что половина успеха такого амбициозного плана зависит от сценариста?

...О своей роли на этих выборах Федута наверняка еще расскажет. Кто он — продюсер, автор текста, эксперт, консультант, вдохновитель? Одно ясно уже сегодня: он вновь оказался способным увидеть лидера. При этом Федута остается журналистом, рассуждая

об остальных кандидатах так, как получается только у него — не всегда, в общем-то, политкорректно:

— Поэт-песенник Владимир Некляев стал бесспорным классиком белорусской поэзии, — писал как-то Федута, комментируя что-то в ЖЖ. — А Григорий Костусев, похоже, останется на уровне заведующего шкловской канализацией. Прошу прощения у остальных заведующих. У них есть шанс стать министрами ЖКХ. У него — нет.

По мнению многих, в этом — весь «пушкинист». Ну — почти весь.

Он вообще не политик.

Книжный человек, вечно что-то пишущий: антологии, критические статьи, диссертации, посты и комментарии в блоги. Восторженный литературовед, дотошный исследователь, категоричный спорщик: «Так — стоп! Я сказал — стоп!»

Порой он поражает непоследовательностью: то он предусмотрителен («А вот этого не надо!»), то излишне эмоционален («Ох, дайте я его убью, ух, как я з-з-золлл!»). То — жуткий перестраховщик («Ой, не наа-а-адо вот только этого!»), а то — обыкновенный разгильдяй («Дайте-ка я на вашем компьютере почту посмотрю», — посмотрит и забудет закрыть).

Личное дело...

Во всей этой кутерьме — комментируя, консультируя, сочиняя, собирая, изучая, он умудряется оставаться мечтателем, поражая этим своим несовременным качеством коллег и родных.

«Я проработала вместе с ним много лет и горжусь этим, — писала в «Народной Воле» уже после его

Фото Юлии Дорошкевич

ареста Светлана Калинкина. — Из Александра Иосифовича Федуты силовика и пропагандисты пытаются сделать чуть ли не идеолога государственного переворота, алчного собирателя западных денег на цели свержения конституционного строя. Очнитесь! Федута — неисправимый романтик. Иногда он бывает просто невыносим в своих фантазиях. Но именно такие люди украшают нашу жизнь, потому что у Александра Иосифовича всегда находится доброе слово для всех, даже для тех, кого хвалить не за что. Вы говорите, он алчный? А я знаю, что ни из одного политического проекта он не выходил без долгов. Потому что, когда кто-то что-то там начинал делить и устраивать шахер-махер, Александр Иосифович собирался и уходил, хлопнув дверью. Ходили разговоры, что его и из кампании «Говори правду» одно время хотели выжить за излишнее чистоплюйство».

Поиски финансиста гражданской кампании «Говори правду» действительно будто замкнулись на литературоведе-пушкинисте, а обыски, которые после ареста проходили у него в квартире и в доме его тещи, жена Марина вспоминает с ужасом:

— Господи, стыдно-то как: пришли вещи переворачивать, деньги и документы искать, а у нас диваны такие, что трогать-то их нельзя — развалятся! В нашем доме «финансами» и не пахнет. Все больше книжками...

Марина прожила с мужем более 20 лет. Она работает в издательском бизнесе, их сферы деятельности пересекаются — без споров тут не обходится. А когда сталкиваются точки зрения сильных личностей, зрелище становится достойным пера драматурга.

— Мы «разводимся» с ним по три раза на неделе! — рассказывает Марина, вспоминая их бывшие творческие перепалки. — Я знаю все его слабые места, все недостатки, все болячки... Но как же он мне сейчас нужен — со всем этим набором... ближе этого человека, кроме мамы, у меня никого нет.

Сейчас Марина особенно переживает за здоровье мужа.

— Сначала я не могла даже передать лекарства — а он без них и недели не протянет! Когда не принимали передачи, я была в таком отчаянии, что срывалась. Я кричала, как ненормальная, на тех, кто пришел к нам с обыском. Я вообще была готова кинуться с кулаками на людей в погонах. Разве так можно с людьми поступать? Потом я, правда, извинилась перед ними. Те, которые обыскивали, не имели отношения к тем, кто обрубил все связи арестованных с внешним миром. Мне рассказывали, что его осматривает тюремный врач. Но разве этот доктор может быть в курсе всех нюансов? Я много раз пыталась объяснить всем, от кого зависит принятие решений: человек, больной гипертонией, постоянно нуждается в измерении давления, приеме лекарств. Сахарный диабет — тяжелая болезнь. Все очень индивидуально, зависит от ситуации и реального состояния пациента. Насколько регулярно к нему приходит доктор, я не знаю, поэтому очень волнуюсь.

Жена

Рассказывая, Марина старается сдерживаться, но слезы все равно текут по щекам.

— Мне говорят: он такой, сякой. Но я готова кричать: он не делал ничего противозаконного, отдайте мне его — я заберу и «плохого», это мой родной человек, это мой друг и муж, он мне нужен любой...

Они познакомились совсем не романтично — у друзей Марины. Она знала его как соседа и одолжила ему однажды пассатижи и отвертку. Потом они ходили вместе в театр и на КВН. Он, конечно же, читал ей Пушкина, целовал руки — иначе он не был бы Федутой. Говорил остроумно, красиво и интересно — так он говорит всегда.

...Потом они вместе работали над сценариями капустников и разных студенческих постановок. И постепенно стали обращать друг на друга особое внимание. Марина вспомнила, как это было:

— Был такой момент, когда он вступился за меня и вцепил пощечину одному человеку. Я просто остолбенела от неожиданности и вдруг увидела перед собой сильного и мужественного защитника. Поначалу побитый выглядел куда более пригодным для драки, нежели мой Александр Иосифович. Но мужиком из этих двоих оказался, как ни странно, именно Федута. Я же не могла этого не заметить! Такую яркую индивидуальность! В тот момент я как-то сразу поняла: это тот, с кем стоит связать жизнь.

Федута, кстати, не был неуверен в своих чарах. Он делал предложение немного смешно: вокруг да около, все не подходило к главному — к тем словам, которых с волнением ждет каждая женщина. Александр Иосифович начинал очень издалека — с перечисления всех своих недостатков, под конец пришел к выводу: зачем он вообще кому-то нужен? В рассуждениях своих он дошел до того, что не может просить Марину стать женой («Я не украшу вашу жизнь»). Но женщина всегда сама узнает тех, кто наверняка жизнь украсит. Они встречаются редко — те, в ком уверенность появляется сразу. И потому Марина сказала «да».

Они тогда много смеялись друг над другом. А сейчас оба знают: не ошиблись в тот день. И он, и она — не просто муж и жена, это верные и очень близкие друзья.

14 февраля, в день Святого Валентина, Марина отправилась на почтаamt, выбрала почтовый листок с цветочками и отправила мужу четверостишие, немного перефразировав известный перевод Рождественского:

Я в глазах твоих утону. Можно?!

И любовь к тебе сохранию — несложно...

Я внутри тебя живу, понимаешь?

Ты один у меня в душе — знаешь...

Чтоб получить такие строки, мало быть политологом, пушкинистом, литературоведом и журналистом. Даже просто мужем — мало. Понимающим другом, узником КГБ — недостаточно. Надо быть кем-то еще.

Іна ХОМІЧ

Наталля Радзіна:

«Не магу, не хачу і не буду маўчаць»

Прапанову зрабіць інтэрв'ю з рэдактарам сайта «Хартыя'97» Наталляй Радзінай я ўспрыняла як нечаканы і вялікі гонар. Тым больш што Мікалай Аляксандраў, рэдактар «Брэсцкага кур'ера», дзе я працую, шматзначна дадаў: «Вам трэба пазнаёміцца...»

Ехаць у Кобрын вырашыла неадкладна. Высылка Наталлі на «малую радзіму» можа скончыцца гэтак жа нечакана, як і пачалася. Бо, як неаднаразова падкрэслівала навучаная горкім досведам сама гераіня, дзеянні беларускіх уладаў рэдка бываюць прадказальнымі.

Толькі вось трапіць у Кобрын, да якога ад майго Берасця 50 хвілін язды, адразу не выпадала. Сустрэчу давялося пераносіць некалькі разоў: Наталля захварэла на бронхіт. Праз колькі дзён мы пазнаёміліся.

— Зрабілі Вы свой Кобрын месцам паломніцтва...

— Так, я тут — як Ленін, — жартуе Наталля.

Мяне сустракае не толькі яна — побач прывыклая за гэтыя тыдні да гасцей усіх масцей маці Наташы Надзея Максімаўна. Дома таксама тата Валянцін Дзмітрыевіч і сястра Алена. Радавое гняздо Радзіных вялікае і ўтульнае — ва ўсім адчуваецца рука жанчыны. Мо толькі не ва ўсіх пакоях цёпла, але па нашым часе газам асабліва і не натопіш. Дарэчы, на гэта звярнуў увагу Станіслаў Шушкевіч, які разам з жонкай наведаў высланніцу двума днямі раней.

За кубкам гарбаты, што ў марознае надвор'е надало асаблівай утульнасці, мы і пачалі гаворку пра Наталлю-чалавека і Наталлю-журналіста.

— Усе мы родам з дзяцінства. Прыгадайце сябе ў маленстве: што падабалася, чаго хацелася, пра што марылася?

— Ой, так цяжка раскаваць пра сябе ў дзяцінстве... Здаецца, была звычайнай дзяўчынкай, чытала добрыя кніжкі. Ну як добрыя — звычайная савецкая прапаганда тых часоў, але насамрэч яны выхоўвалі нешта такое, што фарміравала мяне як асобу. І — можаце лічыць мяне вялікім романтикам — я дагэтуль, нягледзячы на 31-гадовы ўзрост, застаюся адданай тым прынцыпам, якія закладваліся ў дзяцінстве.

— Значыць, галоўны занятак у дзяцінстве — чытанне. Адкуль такая прага да кніжак?

— Не магу сказаць, што яна аднекуль узялася, — проста была. Як толькі я навучылася чытаць, то пачала чытаць шмат. Памятаю, самай вялікай радасцю пасля ўступлення ў піянеры (а мяне прымалі ў ліку першых, бо была выдатніцай; тады ж прымалі ў тры этапы: спачатку выдатнікаў, потым харашыстаў, і пасля ўжо троечнікаў і двоечнікаў) была магчымасць браць кнігі з паліц для старшакласнікаў. Школьная бібліятэка дзялілася на дзве часткі. Літаральна некалькі паліц з дзіцячай літаратурай для 1–3-га класаў, астатняе — для старшакласнікаў. Дык вось, калі ты піянер, ты маеш права карыстацца ўсім фондам. Для мяне гэта было такое шчасце!

— *У Вашым цяперашнім жыцці ёсць месца кнізе?*

— Ну канешне! Зразумела, што з улікам спецыфікі працы даводзіцца вельмі шмат чытаць матэрыялаў у інтэрнэце, але чытанне кніг паранейшаму прыносіць мне агромністае задавальненне. Якія аўтары? (*Уздыхае.*) Іх вялікая колькасць. Мне незразумела, як можна любіць некага аднаго. Калі я з'язджала з Мінска, літаральна на хаду прыхапіла В. Аксёнава, В. Токараву, Л. Кінга і «Кісла-салодкую журналістыку» М. Ганопольскага. У турме з задавальненнем прачытала Дзідро і Рэмарка. Як бачыце, дыяпазон шырокі. Сусветная мастацкая культура шматгранная, і немагчыма засяродзіцца на чымсьці адным.

— *Шлях чалавека да справы яго жыцця часам бывае пакручасты. Як прыйшлі ў журналістыку Вы? Чаму менавіта журналістыка?*

— А проста захацелася! Недзе ў 15 гадоў гэта прыйшло да мяне як азарэнне. Глядзела навіны па тэлевізары і падумала: «А чаму б мне не быць журналістам?» Наступныя тры гады ў школе я рыхтавалася да паступлення менавіта на журфак. Мне здавалася, што гэта вельмі яркая і цікавая прафесія, якая дазваляе мець стасункі з вялікай колькасцю людзей, валодаць інфармацыяй і шмат падарожнічаць. Матывы тыя ж, што і ва ўсіх дзяцей, якія абіраюць гэтую прафесію.

— *Наталля, Вы ўжылі слова «здавалася». Значыць, былі моманты расчаравання?*

— Ніколі. Нягледзячы на тое, што многія выданні, дзе я працавала, з тых ці іншых прычын спынілі свой выхад ці былі зачыненыя. Самі разумеюць, наколькі цяжка працаваць у Беларусі. І нягледзячы на тое, што апошні год быў проста жахлівы па колькасці рэпрэсій супраць незалежных СМІ, жадання пакінуць журналістыку ў мяне не з'яўлялася ніколі.

— *Скажыце, як «Хартыя'97» перажыла мінулы год?*

— Супраць сайта цягам 2010 года ўзбуджаліся 4 крымінальныя справы. За першым разам у нас канфіскавалі 8 камп'ютараў, правялі ператрус у офісе і ў мяне дома. Першая справа, як і другая, да суда не дайшла — усё скончылася канфіскацыяй офіснай тэхнікі. У чым заключалася трэцяя крымінальная справа, я так і не зразумела. Напэўна, яе завялі для таго, каб не вяртаць канфіскаваныя падчас першага ператрусу камп'ютары. Ну а зараз супраць мяне як рэдактара сайта ўзбуджана справа, якая, мяркую, павінна скончыцца судом. Прычым пакуль мяне абвінавачваюць і ў арганізацыі, і ва ўдзеле ў масавых акцыях пратэсту. Абсурд поўны! Пасля майго арышту зноў былі ператрусы. На

гэты раз канфіскавалі яшчэ 11 камп'ютараў. Усяго атрымліваецца 19...

Дзякуй Богу, што ёсць людзі, якія працягваюць працаваць на сайце, нягледзячы ні на што. Калі ўлады думаюць, што ўсё завязана на адной мне, то яны памыляюцца. Рэсурс сваю працу не спыніць, бо надта папулярны і моцны.

— *І ўсё ж хацелася б адкруціць стужку крыху назад. Што было паміж вучобай і цяперашнім рэдактарствам на сайце?*

— Ужо з другога курса журфака я працавала рэпарцёрам у газеце «Імя» — найпапулярнейшым грамадска-палітычным выданні 90-х гадоў. Як знайшла працу? Ды проста прыйшла туды і сказала: «Хачу ў вас працаваць». Мне адказалі: «Выдатна! У нас якраз конкурс, прыходзьце на гутарку». Тады я пазнаёмілася з такімі цудоўнымі журналістамі, як Алег Бебенін, Мікалай Халезін, Кацярына Высоцкая, Ірына Халіп. Менавіта яны і праводзілі суразмову. Ужо праз месяц мяне сталі запрашаць на планёркі — гэта быў вялікі гонар для журналіста-пачаткоўца.

Потым была праца ў «Народнай волі», «Навінах», «Нашай свабодзе». З 2001 года я на сайце «Хартыя'97». І ўсе гэтыя гады — тое бясконца праца над сабой. Калі ты спынішся і будзеш думаць, што ўсё ведаеш, то проста не зможаш канкураваць. Але часам я сумую па той працы, калі можна было 1–2 тыдні рыхтаваць праблемны матэрыял, а не рабіць усё з пылу з жару.

— *Наталля, а ці ёсць у Вас якасці, якія б Вам хацелася ўдасканальваць?*

— Я дастаткова нястрыманая ў ацэнках (прычым гэта не тычыцца ўладаў) і часта катэгарычная. Таму мне хацелася б быць больш талерантнай да людзей і не патрабаваць ад іх зашмат. Памятаць, што калі ты сам у чымсьці недасканалы, то і іншыя могуць быць недасканалымі. Паўтаруся: беларускіх уладаў гэта не тычыцца. Да іх, на маю думку, я стаўлюся цалкам справядліва.

— *Уявіце, што выпаў вольны ад працы дзень. Як Вы яго правядзеце?*

— Ой, ну такі дзень уявіць вельмі цяжка. Калі ён усё ж выпадае, найперш адчуваеш сябе не ў сваёй талерцы, церпіш вялікі інфармацыйны голад. А пасля супакойваешся і пачынаеш атрымоўваць асалоду ад усякіх дробязей жыцця: размоў з сябрамі, шпацыраў па горадзе, выездаў у лес...

— *Зараз гэтым і займаецца?*

— На жаль, не. Стараюся працаваць па меры сіл і мажлівасцей. Зараз такі момант, калі ўся палітычная эліта знаходзіцца ў турмах, і я не магу і не хачу маўчаць.

Мама радуецца, што я побач. Я радуся таксама, але мяне пачынае ўжо паціху ліхаманіць: як гэта я не магу паехаць, куды хачу? Вельмі хочацца ў Мінск — там мае сябры. Такое ўжо было ў першыя дні ў турэмнай камеры: чаму я не магу выйсці за гэтыя жалезныя дзверы? Нармальнаму чалавеку цяжка перажыць адчуванне несвабоды.

Я ўчора пайшла і купіла «ўсім ворагам назло» ярка-блакітнае паліто. Ніколі не насіла яркае верхняе адзенне, а тут купіла. І няхай мяне ў ім хоць арыштоўваюць! Нельга жыць з адчуваннем, што, магчыма, табе ўжо нічога не патрэбна, што ты можаш у Мінск і не вярнуцца. Трэба ісці, рухацца і нешта рабіць.

— *Наталля, прызнайся, Вы добрая гаспадыня?*

— Насамрэч я добрая гаспадыня, проста ўмею ўтойваць гэта. Мая гаспадарлівасць выяўляецца ў тым, што ў маім доме заўсёды ўтульна і чыста. Я ўмею таксама добра гатаваць, але на гэта ніколі не хапае часу, таму я хаваю гэты талент і па магчымасці «спіхваю» кухонныя клопаты на людзей, якія мяне акаляюць. (Смяецца.) Але калі ўжо бяруся, то раблю вельмі смачныя стравы.

— *А якія рэчы для Вас звязаныя з утульнасцю?*

— Самае галоўнае — гэта кнігі. Ну і нейкія дробязі, якія купляеш у паездках ці якія дораць блізкія людзі. І калі ты іх умела расстаўляеш, становіцца вельмі ўтульна. Не магу сказаць, што існуе нейкая любімая рэч, але ёсць рэчы для мяне вельмі дарагія. На дадзены момант мне дарагая вось гэтая паштоўка, якую мама мусіла перадаць мне ў турму. На ёй намаляваны спалоханы кот, які вісіць на дроце, і над ім подпіс: «Трымайся!» — а пасярэдзіне яшчэ адзін радок: «Мы з табой!» — і шмат такіх жа каткоў... Дарагі мне і той плюшавы мядзведзь, што ў крэсле сядзіць, які пасля выхаду з турмы падарыла сяброўка разам з паштоўкай «3 Днём нараджэння!». На яе думку, я нарадзілася зноў. А цяпер мне падабаецца яшчэ і гэты керамічны зубр, што падарыў Станіслаў Шушкевіч. А ў турме ў мяне была такая смешная штучка: на костачцы авакада я намалявала вочкі, носік і роцік — атрымаўся чалавечак. Ён у нас у камеры быў за дамавіка, стаяў на самым ганаровым месцы.

Паштоўка ад маці

Але пасля, на жаль, костачка рассохлася, і наш татэм разваліўся на дзве часткі.

— *Бытавы камфорт — што ён для Вас значыць? Да прыкладу, змаглі б жыць тыдзень у намёце замест камфартна-бельнага гатэля?*

— Свае патрабаванні да камфорту я цалкам перагледзела ў турме. Калі ты жывеш у такіх «дзіўных» умовах (няма прыбіральных, з крана цячэ толькі халодная вада, душ раз у тыдзень), то паціху прывычайваешся да іх. Калі я вярнулася дадому і зазірнула ў сваю шафу, першая думка была: «Навошта мне столькі вопраткі?» Тым не менш камфорт, канешне, я люблю.

Калі гаварыць пра адпачынак у намёце, то не ведаю, ці вытрымала б. Не лічу сябе настолькі спартыўнай, каб жыць у спартанскіх умовах. Я адпачывала па-рознаму, але заўсёды старалася выбіраць такія варыянт, калі можна хача б прыняць душ пасля купання ў моры.

— *Я разумею, пасіўны адпачынак — не для Вас?*

— Не! Мне трэба хадзіць на экскурсіі, у паходы, чытаць — трэба, каб мозг бесперапынна працаваў. Калі проста ляжаць на пляжы... больш за дзень я дакладна не вытрымала б! Адпачынак абавязкова павінен быць актыўным і пазнавальным.

— *Нешта ж у Вас павінна быць агульнага з сярэднястатыстычнай жанчынай... Любіце рабіць закупы?*

— Не, страшэнна ненавіджу! Для мяне гэта катанне. Таму я купляю ўсё хутка. Еду толькі тады, калі дакладна ведаю, што мне трэба, інакш можна купіць поўную бязглуздыцу.

— *А як ставіцеся да ўласнага дня нараджэння?*

— Абсалютна спакойна. Звычайны дзень. Вядома, настрой трохі іншы: адчуваеш да сябе ўвагу, усе тэлефануюць, віншуюць... Але сказаць, што я хвалюся і панікую ад таго, што мне становіцца больш гадоў, я дакладна не магу.

— *Любіце, калі ў Вас дома шмат людзей?*

— Калі добрых людзей — то канешне. Найчасцей яны самі прыходзяць, нават запрашаць не трэба.

Ля турмы Наталлю
сустрэлі кветкамі

Photobymedia.net

— **Вы фаталіст?**

— У прынцыпе — так. Я заўсёды верыла ў тое, што «чаму быць, таго не мінуць».

— **Таму Вы такая спакойная ў цяперашняй сітуацыі?**

— ...Напэўна, так і ёсць.

— **А інтуіцыя давяраеце?**

— Так. Інтуіцыя ў мяне моцная. Самае галоўнае — да яе прыслухоўвацца. Часам бывае, што ты як журналіст давяраеш толькі фактам і не надаеш належнай увагі таму, што адчуваеш. І шкадуеш пасля.

— **А які зыход узбуджанай супраць Вас крымінальнай справы Вы прадчуваеце?**

— Я была абсалютна ўпэўненая, што пасля Плошчы мяне не арыштуюць. Бо за што мяне арыштоўваць? Арыштавалі, пасадзілі ў турму... І першыя 10 дзён не праходзіла спадзяванне, што ўсё вырашыцца, таму што ўсе абвінавачанні абсурдныя. Але надыходзіць момант, калі ты адчуваеш, што фортка зачынілася. Спачатку, натуральна, шок, а пасля супакойваешся, бо разумееш:

гэта сістэма, і ты трапіла ў яе жорны. І жывеш з гэтым.

Вядома, хочацца верыць, што ёсць справядлівасць і ў гэтай краіне. Аднак факты гавораць пра іншае. У нас не аднойчы судзілі журналістаў, знявольвалі. Незалежных беларускіх журналістаў таксама выкрадалі, забівалі... І тут я давяраю якраз фактам. А інтуіцыя маўчыць.

Наступным днём пасля сустрэчы з Наталляй Радзінай грывнуў першы стрэл: судзілі і прыгаварылі да чатырох гадоў строгага рэжыму Васіля Парфянкава — актывіста штаба Уладзіміра Някляева. Нам застаецца маліцца сэрцам і душой і за яго, і за Наталлю, і за ўсіх вязняў сумлення «нашай любімай айчыны» (Рэмарк звычайна так і ўжываў гэтае спалучэнне слоў). І ні ў якім разе не маўчаць. Тут Наталля Радзіна мае рацыю.

Аляксандр
ГУЖАЛОЎСКІ

І таталітарызм журналістыка

Палітычны
кантроль
перыядычнага
друку ў БССР
у 1920–30-я гады

(Заканчэнне. Пачатак у № 3 (85) 2010 г.)

Матэрыялы гістарычных архіваў, паводле якіх рыхтаваў гэты артыкул *Аляксандр Гужалоўскі*, не толькі паказваюць этапы стварэння жорсткай і татальнай сістэмы кантролю за сродкамі масавай агітацыі і прапаганды (СМАП). Яны раскрываюць сутнасць тагачаснай савецкай ідэалогіі, галоўным чыннікам якой быў страх. Паступова, крок за крокам, з дапамогай падкантрольных камуністычным правадырам СМАП, беларускае грамадства ўводзілі ў зман, душылі крытыку ды іншадумства, вучылі, як «правільна» думаць, пісаць, гаварыць і ненавідзець «контррэвалюцыйны элемент» — то бок сваіх землякоў, якія былі калегамі, суседзямі, сябрамі, паплечнікамі і нават сваякамі.

Жорсткія меры ў дачыненні да іншадумцаў былі выкладзены неўзабаве пасля бальшавіцкага перавароту ў «Дэкрэце аб друку» ад 26 кастрычніка (9 лістапада) 1917 г. У сакавіку 1919 г. VIII з'езд РКП(б) узмацніў адпаведныя пазіцыі і прыняў рэзалюцыю «Аб партыйным і савецкім

друку», што канчаткова зацвердзіла партыйны метады кіравання прэсай як галоўны. Усе партыйныя камітэты павінны былі «сачыць за выкананнем дырэктыў». І тагачасныя ідэолагі аддана сачылі за дзейнасцю журналістаў ажно некалькі дзесяцігоддзяў: пісалі на іх даносы, звальнялі і запалохвалі. А тагачасныя следчыя-каты ў форме афіцэраў НКВС, члены «двоек» і «троек» паводле гэтых даносаў арыштоўвалі і нявечылі людзей падчас допытаў, выносілі прысуды, саджалі ў турмы і расстрэльвалі.

У 1920 г. першыя эшалоны з рэпрэсаванымі беларусамі, тутэйшымі этнічнымі палякамі і літоўцамі пацягнуліся ў раёны Сібіры і Далёкага Усходу. Людзей везлі ў перапоўненых вагонах, прызначаных для перавозкі буйной рагатай жывёлы.

За гады сталінскага генацыду, як сведчаць незалежныя гісторыкі, у Беларусі рэпрэсавалі 1 мільён 800 тысяч чалавек — з улікам таго, што бязлітасныя жорны ГУЛАГа растружылі лёсы не толькі «ворагаў народа», але і іх сваякоў. Малалетніх дзяцей таксама высылалі следам за бацькамі. Потым пякучы ярлык сына ці сваяка «ворага народа» прыгнятаў усё жыццё.

У фаворы ж у камуністычных правадыроў і створанай імі таталітарнай сістэмы былі

даносчыкі і даносчыцы. Павальнае стукацтва віталася і было ўзведзена ў ранг дзяржаўнай палітыкі.

Паступова, крок за крокам, нашу краіну ператваралі ў ідэалагічнае стойла, дзе не было грамадзянскай маралі: даносы на сваіх калег пісалі супрацоўнікі Акадэміі навук, журналісты, настаўнікі, калгаснікі, пісьменнікі, вайскоўцы, рабочыя фабрык і заводаў...

Сённяшнія падручнікі гісторыі пра гэта не гавораць. Аднак праўдзівую гісторыю трэба ведаць. Нават самыя чорныя, самыя ганебныя для нацыі яе старонкі. Інакш не будзе гарантыі, што парасткі мінулага не прарастуць сёння.

На ўзмацненне жорсткасці палітычнай цензуры ў друку была накіравана яшчэ адна пастанова ЦК КП(б)Б ад 3 красавіка 1934 г. Яна была выклікана дрэннай арганізацыяй цензурнага кантролю выданняў у раённых цэнтрах рэспублікі, што пацвярджае змест сакрэтнага даклада начальніка Галоўліта і аддзела ваеннай цензуры БССР З. А. Давідовіча на імя загадчыка аддзела культуры і прапаганды ленінізму ЦК Д. Ю. Коніка ад 2 чэрвеня 1934 г. У прыватнасці, галоўны цензар рэспублікі паведамляў пра змяшчэнне сакрэтнай інфармацыі ваеннага характару ў газетах «Чырвоная Полаччына» і «Рэчыцкая

Праўда», пра нізкі тэхнічны стан сродкаў сувязі ў аршанскай газеце «Ленінскі прызыў», шклоўскай «Прамень камунізму», ушацкай «Прымежны калгаснік», клімавіцкай «Камуна» і інш. Па-ранейшаму шэраг раённых газет выходзіў без візы райліта, у некаторых раёнах абавязкі райліта выконвалі рэдактары мясцовых выданняў. З 24 раёнаў БССР, дзе меліся штатныя пасады цензараў, гэтыя «шчыравалі» толькі ў 11. З 51 раёна, дзе цензары павінны былі працаваць па сумяшчальніцтве, адпаведныя кандыдатуры падабралі толькі ў 4-х.

Даклад З. А. Давідовіча, а таксама трывожная інфармацыя, што паступала з месцаў, выклікалі новую пастанову ЦК КП(б)Б і СНК БССР, якую прынялі 22 ліпеня 1934 г. пад назвай «Аб рабоце цензуры ў друку». З мэтай кантролю за яе выкананнем у кастрычніку 1934 г. Галоўлітбел арганізаваў праверку цензарскай работы ў раённых газетах. Высветлілася, што ў Чавускім, Уздзенскім, Краснапольскім, Чэрыкаўскім, Шклоўскім, Аршанскім, Любанскім, Крычаўскім, Талачынскім, Лагойскім, Парычскім раёнах пасады райлітаў па сумяшчальніцтве займалі загадчыкі мясцовых аддзелаў народнай асветы і цензарская работа вялася з сур'ёзнымі парушэннямі. Пасля заканчэння праверкі ў аддзеле культуры і прапаганды ленінізму ЦК з'явіўся цыркуляр, які Д. Ю. Конік разаслаў усім рэдактарам раённых газет. Цыркуляр патрабаваў, каб яны падавалі на прагляд райліта альбо цензару Галоўлітбела (у цэнтральных выданнях) кожны нумар газеты ў звярстаных палосах да перадачы на друкарскую машыну. Зробленыя райлітам тэкставыя выпраўленні павінны былі безагаворачна прымацца. За рэдактарамі пакідалася права абскардзіць заўвагі райліта, але толькі пасля іх выканання, у райкаме КП(б)Б альбо Галоўлітбеле. Асобныя пункты цыркуляра патрабавалі павышаць якасць мастацкага афармлення газет і ўмацоўваць дысцыпліну ў друкарнях.

Нарэшце, у лютым 1935 г. была прынята пастанова ЦК КП(б)Б «Аб фактах контррэвалюцыйных зноўеўска-трацкісцкіх скажэнняў на старонках газет «Окцябер», «Юнгер Арбетар», «Орка» і «Большавіцкі змагар»¹. У дакуменце гаварылася пра «засмечанасць апаратаў некаторых газет і асабліва друкавань антысавецкімі элементамі». Менавіта ў выніку іх падрыўной дзейнасці ў газеце «Юнгер Арбетар» ад 25 студзеня 1935 г. замест «трацкісцкае ахвосце» было надрукавана

¹ «Окцябер» («Кастрычнік») — орган ЦК КП(б)Б, выдаваўся ў Мінску на мове ідыш з 1925 па 1941 г.

«Дэр юнгер Арбетар» («Малады рабочы») — орган ЦК ЛКСМБ, выдаваўся ў Мінску на мове ідыш з 1922 па 1936 г.

«Орка» («Ворыва») — орган ЦК КП(б)Б, выдаваўся ў Мінску на польскай мове з 1926 па 1937 г.

«Большавіцкі змагар» — орган Ельскага РК КП(б)Б і раённага савета.

«соцыялістычнае ахвосце», у газеце «Окцябер» за 30 студзеня ў дакладзе Молатава замест «будуюць соцыялістычнае грамадства» — «будуюць капіталістычнае грамадства». У адным з тэкстаў у газеце «Юнгер Арбетар» за 31 студзеня замест слоў «ленінска-сталінска большэвіцкай партыі» было набрана «ленінска-трацкісцкай большэвіцкай партыі», у газеце «Бальшавіцкі змагар» у перадавым артыкуле, прысвечаным ленінскім дням, замест слоў «над гробам Леніна» было надрукавана «над гробам Сталіна». Па выніках гэтай пастановы была праведзена кадравая чыстка ў друкарні імя Сталіна, дзе вырабляліся наклады газет «Окцябер», «Юнгер Арбетар» і «Орка». Рэдактара газеты «Бальшавіцкі змагар» выключылі з партыі і звольнілі з працы. Упаўнаважанага Галоўлітбела па друкарні Ліўшыца выклікалі на парткалегію, карэктара Штрыкмана звольнілі з працы і выключылі з партыі, лінатыпіста Бернштэйна аддалі пад суд. У 1930-я гг. камуністычная ўлада разглядала друкарні ўжо не як гаспадарчыя, а як палітычныя ўстановы.

Бюракратычны стыль кіраўніцтва перыядычным друкам з боку партыйных органаў рэдактары нярэдка крытыкавалі на шматлікіх прафесійных сходах. Адзін з удзельнікаў Усебеларускай нарады рэдактараў газет, якая адбылася ў 1937 г., расказвае, як некаторыя рэдактары раённак вырашылі параіцца з загадчыкам аддзела друку і выдавецтваў ЦК КП(б)Б М. В. Казюком: «Прыйшлі першы раз, тав. Казюк нас не прыняў. Другі раз прыйшлі паразмаўляць некалькі хвілін і вось што гаварылі: «Ты з трацкістамі не меў сувязі? Не п'янствуеце?» Гэта ёсць вывучэнне кадраў». На нарадзе рэдактараў абласных і раённых газет, якая адбылася ў ЦК у тым жа 1937 г., рэдактар крупскай раёнкі Казлоў узяў праблему партыйнага кіраўніцтва друкам: «Я лічу, што аддзела друку мы не адчуваем, ён безобразна кіраваў намі, абмяжоўваючыся тым, што раз на месяц дасылаў цэдулку, да і толку нікага не было ад гэтай цэдулкі».

Атмасферу, якая панавала ў рэдакцыях беларускіх газет у сярэдзіне 1930-х гг., добра адлюстроўваюць наступныя дзве гісторыі. 20 лютага 1935 г. адказны рэдактар газеты «Звязда» М. К. Сцернін (Багдановіч) накіраваў у ЦК КП(б)Б ліст, дзе паведамляў, што ў газеце ад 18 лютага артыкул «Узорны статут сельгасарцелі» быў надрукаваны з памылкай. У сказе: «У члены арцелі не прымаюцца кулакі. У члены арцелі могуць уступаць усе працоўныя, як жанчыны, так і мужчыны, дасягнуўшыя 16-гадовага ўзросту», — былі прапушчаны асобныя словы. М. К. Сцернін усклаў віну за гэтую памылку на метранпажа Перакладнева, паведаміўшы, між іншым, партыйнаму кіраўніцтву, што апошні «...быў у 1933 г. выключаны пры чыстцы з партыі за сувязь з класава чужым элементам. Брат Перакладнева высланы

за антысавецкую работу. Лічучы, што гэта можа быць не выпадковай «памылкай», а актам шкодніцтва ў адносінах да «Звязды» (падобныя «памылкі» ў Перакладнева былі і раней), рэдакцыя зняла Перакладнева тэрмінова з працы і справу аб ім перадала ў НКВС». Далей М. К. Сцернін паведамляў, што ў бліжэйшыя дні ён распачне праверку ўсіх супрацоўнікаў рэдакцыі, выдавецтва і друкарні, бо, па некаторых звестках, сярод іх ёсць шэраг былых членаў партыі, «класава чужых» элементаў і асоб, якія прыбылі з-за мяжы. Класавая пільнасць не ўратавала рэдактара галоўнай газеты рэспублікі ад расправы: у жніўні 1936 г. ён быў звольнены з працы, а ў чэрвені 1938 г. арыштаваны тымі, каму пісаў даносы.

Падобнае здарэнне адбылося напрыканцы 1935 г. у рэдакцыі ўшацкай райгазеты «Прымежны калгаснік». Рэдактар газеты Берман, каб пазбегнуць памылак, па тры-пяць разоў перачытваў гранкі. Гэта выклікала незадавальненне машыніста друкарні Сакалова, таму што выпуск газеты зацягваўся за поўнач. 7 снежня Берман быў асабліва ўважлівы. Наступнай раніцай выходзіў нумар з выступленнем Сталіна на нарадзе камбайнёраў, і вычытваць яго трэба было пяць

разоў, што канчаткова вывела з сябе Сакалова. Ён вырашыў адпомсціць Берману і начальніку друкарні Баскіну («я ім падстрою штуку») і замест імя «Сталін» набраў «Сралін». Па выніках следства, якое праводзілася НКУС, нумар газеты быў «арыштаваны», Берман звольнены і выключаны з партыі, начальнік райліта Церахаў зняты з працы з вымовай, рабочы Сакалоў арыштаваны.

3 мая 1937 г. уся прадукцыя беларускага аддзялення Саюзфота (фотаздымкі і анатацыі да іх), якая прызначалася для перыядычных выданняў, таксама кантралявалася Галоўлітам БССР. Негатывы фотаздымкаў, затрыманыя цензурай, падлягалі неадкладнаму знішчэнню. Прыём замоў ад грамадскіх арганізацый і прыватных асобаў, акрамя фотаздымкаў асабістага характару, Белсаюзфота ажыццяўляла толькі з дазволу Галоўліта. Такую практыку ўвялі пасля таго, як супрацоўнікі Белсаюзфота па замове польскага консульства надрукавалі серыю здымкаў першамайскага ваеннага парада 1937 г. у Мінску. Начальнік Галоўліта і аддзела ваеннай цензуры БССР І. Л. Ахрамовіч убачыў у гэтым варожую вылазку, пра што паведаміў беларускаму партыйнаму кіраўніцтву, пасля чаго распарадзіўся прызначыць супрацоўніка Белсаюзфота, адказнага за знішчэнне і праўку «небяспечнага» матэрыялу.

Мала таго, што газеты ў выніку абюракравання адарваліся ад рэальнага сацыяльнага кантэксту, — умовы працы журналістаў, асабліва на нізавым узроўні, не адпавядалі задачам, якія ставіліся перад прэсай. Раённыя газеты не былі забяспечаны памяшканнямі, тэхнікай, кадрамі. Вось як апісваў сваё становішча адзін з рэдактараў раёнкі: «...я асабіста, як кіраўнік партыйнай школы ў горадзе, павінен вывучаць канстытуцыю, акрамя таго я выдзелены ў вёску. У нас ёсць кружок — я выкладчык секцыі, трэба там выкладаць. Кірую агітрабатай у калгасе, які знаходзіцца за 25 кіламетраў. Акрамя таго, на паседжанні бюро трэба прысутнічаць. Я вымушаны пісаць артыкулы пры такой загрузцы, нет магчымасці і падумаць, а ведзь райкам партыі гэтага не ўлічвае». Другі рэдактар малюе не менш жудасную карціну сваёй штодзённасці: «Намесніка ў мяне няма, быў, але знялі яго з працы. Зараз працуем удваіх без сродка транспарту. Дапамогі ніякай няма. Памяшканне ўваравіцкай раённай газеты — гэта памяшканне, якое 20 гадоў таму было вязніцай, потым — пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі — гэта памяшканне было моргам. Я напісаў у «Звязду», але «Звязда» толькі праз 3 месяцы змясціла наш ліст. Напісаў я ў аддзел друку (праўда, тады там былі людзі, якія праводзілі шкодніцкую палітыку), і мне адказалі, што я магу са сваёю паперкаю адпраўляцца».

Масавыя палітычныя рэпрэсіі не абмінулі беларускіх журналістаў. Паводле няпоўных дадзеных, 14 з 28 рэдактараў «Звязды» былі абвешчаны ворагамі народа, 10 з іх расстраляны. У 1930 г. па справе СВБ быў арыштаваны і асуджаны на 10 гадоў лагераў член рэдакцыі «Звязды» П. Жаўрыд. Уначы 29 кастрычніка 1937 г. сярод іншых прадстаўнікоў беларускай інтэлектуальнай эліты былі расстраляны вядомыя журналісты П. Шастакоў, П. Іспраўнікаў і В. Воінаў. У 1938 г. па абвінавачванні ў контррэвалюцыйнай дзейнасці расстралялі журналіста І. Шыпілу. У журботным спісе беларускіх публіцыстаў, якія загінулі ў сталінскіх засценках аднымі з першых, значацца імёны арганізатараў і кіраўнікоў сацыялістычнага перыядычнага друку БССР. У 1930 г. па справе СВБ быў арыштаваны і асуджаны на 10 гадоў лагераў (расстраляны ў 1937 г.) загадчык аддзела друку ЦК А. Ф. Адамовіч. У 1938 г. за прыналежнасць да контррэвалюцыйнай арганізацыі арыштавалі загадчыка аддзела друку ЦК КП(б) М. В. Казюка.

Водгулле рэпрэсій 1930-х гг. мы знаходзім у партыйных дакументах таго часу, дзе аддзел друку ЦК крытыкуецца за неўкамплектаванасць рэдакцый газет кіраўнічымі кадрамі. У сярэдзіне 1930-х гг. рэпрэсіі прывялі шэраг перыядычных выданняў да мяжы закрыцця. У спецыяльным паведамленні сакратару ЦК УКП(б) М. І. Яжову

і загадчыку аддзела друку і выдавецтваў ЦК УКП(б) Б. М. Талю ад 17 верасня 1936 г. першы сакратар ЦК КП(б)Б М. Ф. Гікала піша: «Калі ў папярэднія гады ЦК КП(б)Б спрабаваў усялякімі шляхамі вырашыць пытанні аб супрацоўніках на месцы (перасоўванне працаўнікоў, прасоўванне нават слаба падрыхтаваных працаўнікоў на кіраўнічую работу і інш.), дык сёння мы гэтыя магчымасці выкарысталі, і гэта тым больш, што нам адразу ж спатрэбіцца вялікая колькасць падрыхтаваных працаўнікоў. У бягучы час не хапае каля 70 кіраўнічых працаўнікоў друку. У цэнтральнай газеце «Звязда» акрамя адказнага рэдактара, аб якім мы ўжо ўздымалі пытанне, патрэбны пяць загадчыкаў аддзелаў. У рэспубліканскай газеце «Рабочы» маецца з кіраўнічых працаўнікоў толькі адзін рэдактар». Праблема недахопу журналісцкіх кадраў не вырашалася нават з дапамогай створанага ў 1932 г. у Мінску на базе газетнага аддзялення КамВНУ Камуністычнага інстытута журналістыкі.

Устаноўка на пераўтварэнне журналістыкі ў зброю партыйнай прапаганды асабліва энергічна насаджалася ў сувязі з выхадам у 1938 г. «Кароткага курса гісторыі УКП(б)». У звязку з гэтым палітыка-ідэалагічны кантроль над СМІ дасягнуў свайго апагея. У лістападзе 1938 г. паводле рашэння ЦК УКП(б) аддзел друку далучылі да аддзела прапаганды і агітацыі ЦК, у цэнтральных і абласных газетах былі створаны аддзелы прапаганды. У тым жа годзе падобныя рашэнні ажыццявіла кіраўніцтва нацыянальных кампартый, у т. л. КП(б)Б.

2 снежня 1938 г., пасля прыняцця аналагічнага дакумента ў Маскве, члены бюро ЦК КП(б)Б

аднадушна прагаласавалі за пастанову «Аб мерапрыемствах па перабудове партыйнай прапаганды ў сувязі з выпускам «Кароткага курса гісторыі УКП(б)». У частцы, якая тычылася перыядычнага друку, ішла гаворка пра стварэнне аддзелаў прапаганды ў рэспубліканскіх газетах «Звязда», «Савецкая Беларусь», «Окцябер», «Сталінская моладзь», «Чырвоная змена», а таксама ў абласных выданнях «Камунар Магілёўшчыны», «Гомельская праўда», «Віцебскі рабочы» і «Бальшавік Палесся» (орган Мазырскага абласнога і гарадскога камітэтаў КП(б)Б, гарадскога і абласнога савета народных дэпутатаў). Рэдактары гэтых газет, а таксама аддзел прапаганды і агітацыі ЦК абавязваліся забяспечыць новыя аддзелы кадрамі лектараў-прапагандыстаў і кансультантаў. Акрамя таго, планавалася перабудаваць работу часопіса «Бальшавік Беларусі» (орган ЦК КП(б)Б, выдаваўся з 1922 г. пад назвай «Наперад», з 1927 г. — «Бальшавік Беларусі», з 1952 г. — «Камуніст Беларусі»), каб на яго старонках асвятляліся галоўным чынам пытанні марксізму-ленінізму. Нарэшце, асобным пунктам пастановы аддзел друку і выдавецтваў ЦК КП(б)Б аб'ядноўваўся (чытай, далучаўся) з аддзелам партыйнай прапаганды і адукацыі. Такім чынам, за перыядычнымі выданнямі дэ-факта быў замацаваны статус сродкаў партыйнай прапаганды, якімі яны насамрэч ужо з'яўляліся цэлае дзесяцігоддзе.

Да 1939 г. была праведзена ўніфікацыя справаводчых дакументаў Галоўліта, якія вырабляліся друкарскім спосабам і запаўняліся ўпаўнаважанымі Галоўліта БССР у рэдакцыях газет (гл. *узор ніжэй*).

ЗВОДКА

Парушэнні ў ваенных і ваенна-эканамічных тайн, знойдзеных у друку БССР падчас папярэдняга кантролю за красавік 1939 г.

№ п/п	Назва друкаванага выдання, кім выдаецца, дата яго і нумар	Прозвішча цэнзара	Кароткі змест парушэння	Падстава выкрэслівання	Заўвага
1.	Газета «Кімавец», орган парткама ф-кі «КІМ», № 29 ад 5/IV-39 г.	Прахаў	У артыкуле «Лепшыя метады стаханаўскай работы — у масы» было надрукавана: «Барацьба за ліквідацыю працоўнай дысцыпліны». Трэба чытаць: «За ліквідацыю парушэнняў працоўнай дысцыпліны».	Палітычнае скажэнне	
2.	Газета «Віцебскі рабочы», орган Віцебскага абкама і гаркама КП(б)Б, № 88 ад 17/IV-39 г.	Прахаў	У перадавой пад назвай «Героі вялікага народа» было надрукавана: «З імем Сталіна ў думках штурмуець савецкія людзі непрыступныя цвярдзіны <u>партыі</u> ». Павінна быць « <u>Арктыкі</u> ».	Палітычнае скажэнне	
3.	Газета «Віцебскі рабочы», орган Віцебскага абкама і гаркама КП(б)Б, № 80 ад 8/IV-39 г.	Прахаў	У артыкуле «Радасна жыць у краіне Сталінскай канстытуцыі» надрукавана: «Карэнным чынам змянілася <u>сталінскае</u> жыццё пры калгасным будаўніцтве». Павінна быць « <u>сялянскае</u> ».	Палітычнае скажэнне	

в. а. нач. Віцебскага аблліта Вайман

У тым жа 1939 г. работа Віцебскага аблліта трапіла пад жорсткую крытыку начальніка Галоўліта і аддзела ваеннай цэнзуры БССР П. Я. Фралова. Яго скарга на падначаленых, накіраваная першаму сакратару ЦК КП(б)Б П. К. Панамарэнку, цікавая тым, што апісвае ўмовы працы віцебскіх цэнзараў: «У адным пакойчыку пры віцебскай друкарні працуе 5 чалавек аблліта. Сюды заходзяць шмат наведвальнікаў па розных пытаннях. Сталы і паліцы завалены адабранай літаратурай. У гэтым жа пакоі захоўваюцца сакрэтныя матэрыялы, з якімі работнікі аблліта вымушаны працаваць у прысутнасці пабочных асоб».

Умяшанне цэнзуры ў работу перыядычных выданняў не зводзілася толькі да выпраўлення памылак у друку. Карціну цэнзурных абмежаванняў па змястоўных, ідэалагічных прыкметах мы бачым у інфармацыйным лісце начальніка гомельскага аблліта Бельцэра ў аддзел прапаганды і агітацыі ЦК КП(б)Б, датаваным 23 студзеня 1941 г. Тут у якасці прыкладу варажых вылазак прыводзіцца артыкул «Роль бацькоў і сям'і ў выхаванні дзяцей», надрукаваны ў органе Веткаўскага райкама КП(б)Б «За балышавіцкія тэмпы», дзе аўтары сцвярджалі, што «...сіла прывычкі, аўтарытэт бацькоў часта аказваецца настолькі моцным, што школа адчувае вялікія цяжкасці, а часам бясілле ў перавыхаванні такіх дзяцей». Бельцэр каментуе гэтую думку наступным чынам: «Так адной непрадуманай фармулёўкай газета распраўляецца не толькі з тэарэтычнымі ўстаноўкамі і вопытам знакамітага савецкага педагога Макаранкі, але і ўсёй савецкай выхаваўчай сістэмай». У артыкуле пад назвай «Аб справах у калгасе імя Молатова», змешчаным у тым жа выданні, на думку гомельскага цэнзара, усіх калгаснікаў паказалі ў абсалютна чорных фарбах: «...у гэтым калгасе станоўчых паказчыкаў і поспехаў калгаснікі не бачылі», «тут як ні ступіў крок, абавязкова заўважыш парушэнне статута сельсагаспадарчай арцелі або спаткаешся з калгасным злодзеям».

8 мая 1937 г. старшыня Дзяржплана БССР А. М. Любавіч накіраваў першаму сакратару ЦК КП(б)Б В. Ф. Шаранговічу (праз два месяцы абодва будуць арыштаваны і пазней расстраляны) нататку, дзе выкладаліся вынікі работы брыгады пры кафедры планавання Інстытута народнай гаспадаркі імя Куйбышава. Стварэнне брыгады мела на мэце праверку эканамічнай літаратуры, выдадзенай за апошнія дзесяцігоддзе ў БССР, для выяўлення «...асобаў, частка якіх знаходзіцца яшчэ і сёння на працы, якія праводзілі нацдэмаўскія, трацкісцкія і іншыя шкодныя ўстаноўкі». Толькі аналіз часопіса «Сацыялістычнае будаўніцтва» даў магчымасць выявіць значную колькасць ворагаў. Так, аўтар артыкула «Аб НЭПе, плане, рынку і правым ухіле» (1929, № 9, с. 33) лічыў, што рынак рэгулюе грамадскую вытворчасць. Аўтар матэрыялу «Да

пабудовы пяцігадовага перспектывага плана» (1928, № 6, с. 14) сцвярджаў, што пяцігадовы план ёсць перапляценнем прагнозу і дырэктывы. У артыкуле «Стан жывёлагадоўлі Беларусі ў 1928 годзе» (1928, № 2–3, с. 130) праводзілася думка аб тым, што серадняцкія гаспадаркі, якія апынуліся перад фактам дваінога падаткаабкладання, з мэтай пазбаўлення ад яго ліквідавалі сваю жывёлу. Нарэшце, у матэрыяле, названым «Ці багата Беларусь лесам?» (1928, № 2–3, с. 38), выказвалася падазроная думка пра тое, што беларускія лясныя багаці без абмежаванняў вывозяцца за межы рэспублікі».

Асаблівасцю савецкага перыядычнага друку 1920–30-х гг. была яго фармальна адкрытасць для крытыкі. Партыйныя органы ўсё час патрабавалі ад рэдакцый крытычных і самакрытычных матэрыялаў: «...большасць беларускіх газет бяззубыя, прэсныя... сякія-такія звёны нашага апарату трэба па-сапраўднаму прабраць у газеце» (першы сакратар ЦК КП(б)Б В. Г. Кнорын, 1928 г.), «...у галіне разгортвання самакрытыкі мы маем шэраг выпадкаў няправільнага падыходу з боку нашага друку. Мы мелі зусім недапушчальнае проціпастаўленне газэт партыйнаму кіраўніцтву, спробы стаць над партыйным кіраўніцтвам з боку газэт. Мы мелі некаторыя выпадкі пагоні за сэнсацыяй замест разгортвання балышавіцкай самакрытыкі, там-сям замест гэтага выпадкі бульваршчыны і г. д.» (другі сакратар ЦК КП(б)Б В. Ф. Шаранговіч, 1932 г.).

Гэта быў не проста прапагандысцкі ход. Пошукі «асобных недахопаў», якія чаргаваліся з кампаніямі супраць ворагаў народа, не толькі

накіроўвалі грамадскія эмоцыі ў падрыхтаванае рэчышча (толькі ў «Звязду» штодня прыходзіла больш як 100 крытычных лістоў, якія абагульняліся і дасылаліся ў ЦК як «рапартажы»). Яны павышалі мабілізацыйныя магчымасці сістэмы, яе ўстойлівасць і імунітэт.

Патрабаванні партыйнага кіраўніцтва ўзмацняць крытыку і самакрытыку ставілі рэдактараў перыядычных выданняў перад адвечным пытаннем: каго вышэй за домакіраўніка дазволена крытыкаваць? Вось як напісалі пра свой досвед крытыкі мясцовага начальства ўдзельнікі Усебеларускай нарады рэдактараў газет 1937 г.: «Канешне, мы ў раёне кіруючых работнікаў павінны крытыкаваць... Калі крытыкуеш, кажуць, брава рэдакцыя, што крытыкуеш, а тут адразу ж па тэлефоне выклікаюць у райкам. Тут ён табе гаворыць, што трэба было маўчаць, пакуль не ўрэгулюем»; «Калі мы пачалі змагацца за партарганізацыю фабрыкі «Спартак» і пачалі гаварыць на поўны голас, прыйшоў упаўнаважаны з распараджэннем і паведаміў, што ад гэтага дня не дазволіць выхад газеты, калі будзе матэрыял на парткам. І пайшоў да сакратара райкама, і мне закацілі вымову... Пісаў я пра гэта ў газету «Рабочы». Там шлі за ўсялякай кансультацыяй у аддзел друку»; «Я прыехаў у Ушачы — прымежны раён, адразу ж звярнуўся да сакратара з просьбай — азнаёмце мяне з партыйнымі арганізацыямі, дзе якія камуністы

ёсць, дзе добрыя, дзе дрэнныя. Ён кажа — прабачце, гэта сакрэт».

Напрыканцы азначанага перыяду атмасфера татальнага страху ў краіне дасягнула свайго апягя і закранула саміх цэнзараў. Пра гэта сведчыць загад начальніка Галоўліта і аддзела ваеннай цэнзуры БССР П. Я. Фралова, выдадзены 6 мая 1941 г., дзе гаворка ідзе пра «цэнзараў-бракадзелаў», якія зрабілі няслушныя выпраўленні «ў парадку перастрахоўкі».

У апошнім мірным 1940 г. у БССР пад цэнзурны кантроль падпадалі 8 рэспубліканскіх, 6 абласных, больш як 100 раённых, 90 фабрычна-заводскіх, 15 тысяч насценных газет і 4 часопісы. Аб'ектам найбольшай увагі цэнзараў была газета «Звезда», якая выходзіла рэкордным для рэспублікі накладам — каля 100 тысяч асобнікаў. Акрамя таго, пад цэнзарскі кантроль было пастаўлена Беларускае тэлеграфнае агенцтва, якое таксама візавала ў Галоўліце ўсе матэрыялы, прызначаныя для газет і радыё.

Друкаваныя СМІ БССР, ператвораныя ў частку палітыка-прапагандысцкай машыны, сталі аб'ектам найпільнейшай увагі з боку органаў кантролю. Ідэалагічны канфармізм зацвердзіўся ў прынцыпе: «Што афіцыйна не ўхвалена — тое забаронена». Цэнзура зрабіла газеты і часопісы шрубкамі партыйнага прапагандысцкага механізма, які разбураў творчы патэнцыял журналістаў. Выданням таго часу былі ўласцівыя лаканічная і экспрэсіўная мова; загалюкі плакатнага характару, даступныя шырокім і малапільменным масам насельніцтва; выкарыстанне аднастайнага набору адмоўных вобразаў ворагаў савецкай улады; публікацыя вялікай колькасці ананімных альбо падпісаных псеўданімамі артыкулаў; абнародаванне свядома скажонай інфармацыі, якая была падставай для рэпрэсій супраць згаданых асоб.

Большасць цэнзурных забарон у перыядычным друку БССР, кваліфікаваных як палітычныя скажэнні, былі звычайнымі памылкамі. Аднак многія журналісты і тэхнічныя работнікі друкарняў заплацілі за гэта не толькі кар'ерай, але свабодай і жыццём.

Когда горы идут к людям

Виктория
РАВИНСКАЯ,
www.borisov-e.info

Экологический пресс-тур, организованный Белорусской ассоциацией журналистов, на этот раз проходил в окрестностях Солигорска. Экологических проблем здесь достаточно. И связаны они с работой ОАО «Беларуськалий» — одного из самых прибыльных предприятий страны. Но даже при всем своем богатстве производитель калийных удобрений не в состоянии кардинально улучшить среду обитания живущих здесь людей в одиночку.

Не золотые горы

Первое, что бросается в глаза при подъезде к Солигорску, — горы солеотвалов тяжелого красно-коричневого цвета. Они — видимая часть проблемы. Сейчас на «Беларуськалий» насчитывается пять рудоуправлений. И возле каждого — громадные солеотвалы и шлакохранилища. Сбрасывать оставшуюся после переработки пустую руду в такие горы — традиционная практика.

Мы отправились по деревням, которые располагаются на расстоянии не более двух-трех километров от рукотворных возвышенностей.

В деревне Брянчицы, как рассказывали немногочисленные теперь местные жители, когда-то было под тысячу дворов, работали школа, магазин, клуб. Когда солеотвалы начали приближаться к деревне, «Беларуськалий» предложил селянам переехать в город, предоставил квартиры под отселение. «Многие тогда и уехали в Солигорск, — охотно рассказывали новейшую историю Брянчиц местные жители. — А только сносить дома мало кто решился. Теперь здесь дачи. Впрочем, некоторые старики остались доживать свой век на малой родине».

Близость солеотвала сказывается на окружающей среде. Пробы воды, которые периодически берут гигиенисты-эпидемиологи, показывают превышение содержания вредных веществ в десятки раз. Жительница Брянчиц, добрейшая и приветливейшая бабулька Валентина Денисовна, тем не менее воду из собственного колодца пьет без опаски. Даже журналистов угостила. По вкусу — вода как вода. Кое-кто даже в шутку высказал предположение, что именно из-за этой воды Валентина Денисовна такой позитивный

БРЯНЧЫЦЫ

человек. Бабушка посмеялась и опровергать наше предположение не стала.

Впрочем, проблема Брянчиц не только и не столько в качестве воды, сколько в расположении над шахтами. Почва проседает, оставшиеся строения стянуты специальными конструкциями, жестко соединенными стальной арматурой, чтобы не сложились, как карточные домики. Работы по укреплению проводит «Беларуськалий» на собственные средства. Во многих домах в негодность приходят печи. Тоже деформируются из-за усадки почвы.

Глядки — не заглядки...

В двух километрах от Брянчиц — деревня Глядки. Здесь тоже зимуют и постоянно живут только старики. Большинство домов — дачи солигорчан. Но этой деревне повезло меньше, чем соседней. Поскольку от солеотвала она расположена дальше, квартир в городе местным жителям «Беларуськалий» не предлагал.

Хотя проблемы здесь точно такие же, как в соседних Брянчицах, — плохая вода, проседание почвы... И здесь дома стянуты железными конструкциями, которые устанавливали за счет производителя калийных удобрений. Но дачные домики окрашены в радужные цвета, дворы ухожены. Какой-то умелец даже затеял новостройку с евроокнами. Деревня расположена очень удобно: из Солигорска ходит дизель, до станции рукой подать. Потому у дачников Глядки и пользуются популярностью, невзирая на близость солеотвала.

«Отселенная» деревня Чапели

Деревню Чапели, из любой точки которой видны небезобидные горы, отселяли еще в 1985 году. Всем жителям «Беларуськалий» предоставил квартиры. И тем не менее запустения и безлюдности здесь нет. Многие живут в Солигорске, но частенько навдываются на свои «дачи».

Побеседовали мы с бывшим шахтером, теперь пенсионером, который побоялся не только сфотографироваться, но даже представиться. «Как думаете, — спрашиваем, — не опасно для здоровья воду пить здешнюю, воздухом с солеотвалов дышать, овощи выращивать на огородах?» «Ой, да кто его знает! — спокойно ответил пенсионер. — Мы об этом не думаем. День прожил — и слава Богу!»

В «отселенных» Чапелях приличный магазин, сельский дом культуры, школа с детским садом. Все работает! Есть даже почитатели соляных гор. Поговорили с женщиной, которая очень любит на эти солеотвалы смотреть, утверждает, что двух одинаковых видов не бывает: цвета меняются в

зависимости от освещения и погоды. В общем, говорит, не променяет свои Чапели ни на какое другое место.

И все-таки проблема солеотвалов есть. Пусть не хотят местные жители ее замечать или стараются не обращать внимания на окружающую их среду, растущие рукотворные возвышенности вызывают тревогу у экологов. Как говорили нам работники рудоуправлений, решить проблему только на местном уровне невозможно. «Нужно, чтобы наука подключилась, на государственном уровне должна появиться заинтересованность в решении проблемы растущих хранилищ отходов производства». Трудно не согласиться. Только почему-то не нашлось пока людей, которые начали бы громко и ясно бить тревогу.

«Вы журналисты? Помогите!»

Не только расположенные в радиусе пары километров от солеотвалов деревни трудно назвать экологически благоприятными для жизни. И «дальние» деревни в той или степени подвержены общим проблемам. Направились мы в Старые Терушки, где тоже некоторые жилые дома стали из-за усадки почвы давать трещины. Надо сказать, нас немало удивили новехонькие коттеджи на въезде в деревню — агрогородок это, пояснили нам местные.

А возле магазина (традиционного центра цивилизации для сельчан) встретили молодую женщину Викторию Евстигнееву, которая, когда узнала, что мы журналисты, начала просить о помощи. Дело в том, что три года назад она переселилась с двумя малолетними детьми (сейчас им семь и восемь лет) в Старые Терушки из соседней

Ключи от квартиры давали только во времена СССР

Татьяна ГУСЕВА

Ежегодно с жалобами на деформацию домов в ОАО «Беларуськалий» обращаются более двухсот человек. Это жители деревень, расположенных на территории шахтного поля, — Солигорского, Слуцкого и Любанского районов. Люди связывают разрушение домов с близостью солеотвалов — красноватых гор высотой в 150 метров, состоящих из отходов производства.

Валерий Чуров, заместитель главного инженера ОАО «Беларуськалий», начальник отдела охраны окружающей среды, в беседе с журналистом пояснил, что до распада СССР существовала государственная программа, в соответствии с которой людям, чьи дома пострадали в результате горных работ, предоставлялось жилье. «Сегодня нет закона, который обязывал бы предприятие строить квартиры для тех, кто живет рядом с

деревни, устроилась дояркой в расположенный здесь СПК с дивным названием «Решающий». Председатель Василий Купа дал временное жилье — две комнатки в бесхозной развалюхе-хате. Но, как известно, не бывает ничего более постоянного, чем временное...

Водопроводная труба в одной из комнат беспрестанно протекает — только успевай тазы подставлять. Печка от старости и опять же из-за проседания почвы вся в трещинах, натопить ее проблема. «Я уже не могу сосчитать, сколько раз ходила к председателю, просила, чтоб дал нормальное жилье, — чуть не плакала Виктория. — Вон же агрогородок у нас построили! Половина коттеджей не заселена. А он — ни в какую! Уже и из школы приходила комиссия смотреть, в каких условиях дети у меня живут. Тоже потом ходатайствовали перед председателем. Ну никак его не пронять! Вы же журналисты, может, хоть вы поможете?» Увы, в агрогородской коттедж Викторию мы заселить пока не в силах, можем только информировать о ситуации.

Спросили Викторию, действительно ли, как утверждает Александр Лукашенко, зарплаты у доярок в 500 долларов. Только посмеялась: «Какие доллары?! Пятьсот тысяч!» — «А голосовали вы на выборах за кого?» — «Да за Лукашенко же. Мы ж больше и не знаем никого».

Виктория вышла нас проводить на улицу. А тут иномарка, прямо скажем, не дешевая едет. «О! Это ж наш зампредседателя!» — воскликнула женщина. Начали мы руками махать, чтобы местный начальник (кстати, по виду — не старше лет 25) остановился, поговорил с нами. Нет, газанул зампред СПК «Решающий», видимо, разговаривать не решился...

Вот тебе и экологический тур. Не только с экологией проблемы на наших процветающих просторах...

Фото Сергея Балая

производственными объектами. Если дом оказался в аварийном состоянии и комиссия предприятия выяснила, что это произошло по причине производственной деятельности объединения, «Беларуськалий» проводит ремонт за счет собственных средств».

Все под контролем

Экологическая ситуация в зоне выработки не драматичная, считает Валерий Чуров. По его словам, «Беларуськалий» проводит мониторинг окружающей среды на всей территории горных выработок. «За последние десять лет не зафиксировано ни одного нарушения нормативов атмосферного воздуха, — утверждает Валерий Чуров. — То же

касается состояния сточных вод и поверхностных водоемов».

Основные источники выбросов обору́дованы газоочистительными установками, которые, по мнению Чурова, работают достаточно эффективно. Лаборатория предприятия осуществляет контроль за выбросами. Собеседник заверил, что превышения нормативов нет.

Колодезная вода непригодна для питья

Эпидемиологи утверждают, что 70% проб воды в колодцах на Солигорщине не соответствуют санитарно-химическим требованиям. Это значит, что колодезная вода непригодна для питья. Как рассказала Людмила Гуковская,

заведующая отделением гигиены Солигорского зонального центра гигиены и эпидемиологии, мониторинг качества питьевой воды проводится ежемесячно. «По хлоридам и сульфатам превышения нормативов не фиксируется, хотя именно эти показатели свидетельствовали бы о побочном эффекте горных работ. Но оценивать влияние деятельности «Беларуськалия» на качество питьевой воды я не могу. Изучением этой проблемы должны заниматься исследовательские институты, — заявила специалист. — Чаще всего вода не соответствует требованиям по содержанию нитратов. Азотные соединения попадают в воду с полей и огородов вместе с удобрениями».

БАЖаўцы вызначылі лепшыя філіі года

І ўручылі дыпламы прадстаўнікам другой «хвалі» выпускнікоў праграмы маладых лідараў арганізацыі.

У той дзень Дом правоў чалавека ў Вільнюсе «акупавалі» беларускія журналісты. Амаль чатыры дзясяткі актывістаў ГА «БАЖ» з усіх куткоў Беларусі сабраліся разам, каб абмеркаваць вынікі працы арганізацыі ў мінулым годзе, павіншаваць пераможцаў конкурсу на лепшую філію (суполку) БАЖ, а таксама распланаваць дзейнасць грамадскага аб'яднання на наступныя тры гады.

У Дом правоў чалавека, адным з заснавальнікаў якога з'яўляецца БАЖ, прыехалі

ўдзельнікі першага і другога этапаў сумеснай з Міжнароднай федэрацыяй журналістаў (МФЖ) праграмы маладых лідараў, кіраўнікі філій і рэгіянальных суполак БАЖ, кіраўніцтва арганізацыі, а таксама нашы партнёры з МФЖ.

Першы дзень сустрэчы цалкам прысвяцілі абмеркаванню асаблівасцей працы фрылансераў у Еўропе, а таксама пытанням абароны аўтарскіх правоў журналістаў. Перад маладымі лідарамі выступіў даўні партнёр нашай арганізацыі, прафесар Брыстальскага ўніверсітэта Майк Джэмпсан, якому беларускія ўлады некалькі гадоў запар не даюць магчымасці прыехаць у Беларусь.

Майк Джэмпсан стаяў ля вытокаў стварэння «праграмы арганізацыйнага развіцця БАЖ», якую асацыяцыя і МФЖ распачалі чатыры гады

таму. Ён доўгі час працаваў з маладымі лідарамі першай «хвалі». А вось для тых, хто прыйшоў у праграму паўгода таму, гэта была першая сустрэча з прафесарам, які на сваёй радзіме, у Вялікабрытаніі, надае шмат увагі праблемам беларускіх журналістаў і выпускае адмысловую газету «Звон».

Маладзёны з цікавасцю слухалі расповед прафесара пра тое, якія правы і свабоды маюць у цывілізаваным свеце «вольныя стралкі», як нярэдка называюць фрылансераў, задавалі яму пытанні, занатоўвалі самыя ярскія факты і разважалі, «калі ўжо ў нас такое будзе».

Прафесар Майк Джэмпсан

Другі дзень сустрэчы распачаўся прэзентацыяй новай супольнай праграмы на тэму журналісцкай бяспекі, якую МФЖ прапануе БАЖ. Як распавёў эксперт МФЖ Адрьян Калін, такая ж праграма прызначана для Украіны, Расіі, Грузіі, Малдовы, Азербайджана і іншых краін былога СССР. Яна ўключае ў сябе трэнінгі, выданне адмысловых брашур, маніторынг парушэнняў правоў журналістаў, стварэнне базы дадзеных найбольш

небяспечных для супрацоўнікаў СМІ месцаў на мапе Беларусі.

Актывісты БАЖ пагадзіліся, што журналісцкая бяспека — адна з самых вострых сённяшніх праблем. І паралілі ў будучым скіраваць асноўныя высілкі на практычныя трэнінгі, канцэнтруючы ўвагу на метадах працы падчас вулічных акцый, захаванні асабістай бяспекі і першай медычнай дапамозе.

Тэмы журналісцкай бяспекі і абароны фрылансераў сталіся аднымі з цэнтральных пры абмеркаванні плана дзейнасці БАЖ у 2011–2013 гадах. У выніку нарадзілася праграма на 2011 год: журналісцкая адукацыя, прававая дапамога сябрам арганізацыі, салідарныя дзеянні і акцыі, а таксама развіццё арганізацыйнай структуры і карпаратыўнай культуры БАЖ.

Другі дзень сустрэчы скончыўся сімвалічным запускам ліхтарыкаў у віленскае неба — на знак салідарнасці з журналістамі, якія пацярпелі і да сёння церпяць уціск за сваю прафесійную дзейнасць.

Кульмінацыяй трохдзённай сустрэчы стала ўзнагароджанне пераможцаў конкурсу філій БАЖ, які праводзіцца чацвёрты год запар і падводзіць вынікі працы рэгіянальных структур і суполак БАЖ.

Сёлета журы адзначыла ганаровымі дыпламамі чатыры філіі і суполкі БАЖ, а таксама ўручыла адзін персанальны дыплом.

За актыўную працу з моладдзю, журналісцкую салідарнасць і падтрымку сябраў арганізацыі ўганаравалі Віцебскую суполку БАЖ. Летась віцябляне неаднаразова працягвалі руку дапамогі калегам і іх сем'ям.

Прафесійная салідарнасць і адказнае стаўленне да арганізацыйнай працы, творчы падыход да справы і папулярызацыя журналістыкі сярод моладзі прывялі да перамогі ў конкурсе Брэсцкае аддзяленне БАЖ. Толькі за адзін месяц берасцейцы

Тацяна Гусева са Слуцка (на фота з правага боку) прызнана лепшым лідарам рэгіянальнай структуры

*Жанна Сідарук з Брэста
актыўна працуе з моладдзю*

двойчы наведалі дом Наталлі Радзінай у Кобрыне: першы раз, калі Наталля яшчэ была ў СІЗА КДБ, другі — калі яна прыехала ў бацькоўскі дом «на высылку».

Лунінецкую суполку БАЖ журы ўганаравала з фармулёўкай «за надзейнасць і ўстойлівасць структуры, актыўнасць і ініцыятыўнасць сябраў філіі». Штогод яе кіраўніца Святлана Гарда разам з папличнікамі прыдумляе і ладзіць нестандартныя журналісцкія вандроўкі. Летась гэта быў 20-кіламетровы прэс-тур на байдарках па Прыпяці. У сёлетніх планах — байдарачны сплаў па іншых рэках Палесся з мэтай вывучэння праблемы захавання рэліктавых лясоў.

На некалькі апошніх гадоў жыццё Гродзенскай філіі амаль спынілася. Частка журналістаў з'ехала з горада, частка адышла ад актыўнай грамадскай дзейнасці. Аднак летась агульны сход гродзенскіх сябраў БАЖ прыняў рашэнне аб аднаўленні суполкі. Менавіта гэтае адраджэнне, наладжванне камунікацыі паміж сябрамі, а таксама смелыя задумы і іх рэалізацыю адзначыла журы конкурсу, калі ўручала дыплом Гродзенскай суполцы БАЖ.

Найбольш актыўным, адказным і перспектыўным лідарам рэгіянальнай структуры па выніках мінулага года стала кіраўніца Слуцкай суполкі БАЖ Таццяна Гусева.

Фіналам сустрэчы ў Вільнюсе стала ўручэнне сертыфікатаў выпускнікам другой «хвалі» праграмы маладых лідараў БАЖ.

*Прэс-служба ГА «БАЖ»
Фота А. Зянкава*

Дыплом для Брэсцкай філіі прымае Алег Супрунюк (злева)

Разам мы!

Убийство полицейского демократии,

ИЛИ Нужно ли наказывать за преступление?

Никого вы не посадите, у вас такого нет права и не будет, я надеюсь. Поэтому не надо пугать правоохранительные органы, не надо пугать КГБ, не надо пугать милицию, родные мои.

Из доклада А. Г. Лукашенко на четвертом Всебелорусском народном собрании (<http://www.president.gov.by/press101732.html#doc>)

**Анатолий
САНОТЕНКО**

Вассал моего вассала...

Список — теперь мы уже знаем это — можно продолжить: не нужно пугать идеологов, нарушающих закон на каждом шагу своей деятельностью, не нужно пугать чиновников-коррупционеров. И вообще — отойдите от «алтаря власти»: президентами рождаются, и только «рожденный президентом» может знать, что к чему, кого наказывать, а кого миловать.

Замечено не мной: Беларусь вернулась во времена феодализма. «На местах» правят вассалы, подчиняющиеся сюзерену. Сюзерен раздает земли на «кормление» вассалам, вассалы во всем поддерживают сюзерена (Семен Букчин «Когда же придет настоящий день?» <http://www.nv-online.info/by/141/politics/>).

В такой системе не только независимая пресса, но и вообще все, что называет себя «независимым», им не нужны. И опасны. А вдруг подчиненные им «крестьяне» взбунтуются, прослышав про беззаконие, творимое вассалами! Или, не приведи Господь, сюзерен узнает, что одна треть всех податей не доходит до его казны, то есть фонда. Не надо им этого. Поэтому что вы

там выдумываете, какие такие свободные СМИ? Всё должно быть подконтрольно нам, то есть им.

Здесь проблема. Мы-то все — независимые журналисты, общественные деятели, политики — думаем, что у нас — современное общество с недоразвитой, так сказать, демократией. А власти живут по законам сюзеренитета. Мы им — про права, они — про право сильного. Словом, не живем, а мучаемся из-за взаимного недопонимания. Нет чтобы объявить честному народу: отныне Беларусь переходит к более прогрессивному во всех отношениях феодальному правлению. Вместо этого играют в какие-то «западные» игры: пооткрывали судов, прокуратур; создали зачем-то Министерство правды, то есть, прошу прощения, — информации. Деньги только на ветер выбрасываем. Не хорошо! Деньги-то ведь наши, народные.

Закон — как дышло? Конечно! А вы не знали?

Несколько лет назад в Бобруйске была шумная история: директор одного из частных рынков, пререкаясь по поводу права журналистов вести

съемку на территории его торгового объекта, неудачно махнул рукой в сторону видеокамеры и что-то там повредил. Вроде бы видеоискатель.

Подобных (и более тяжелых!) случаев в отношении негосударственных СМИ до этого и после этого было — пруд пруди. И ничего. Никаких последствий для нарушителей законных прав журналистов. А тут госпропаганда раскричалась: нападение на журналистов государственного телевидения! Повреждена видеокамера! Доложили наверх. Там, на белорусских олимпиах, где живут, как известно, те, кто немного выше бога, дали отмашку: «Наказать по полной!» Наказали. Дали три года. Создали, между прочим, судебный прецедент. (К слову, автор этого материала был свидетелем того, как — до вышеописанных событий — тогдашний руководитель города на еженедельной планерке в горисполкоме рьяно, будто имея какой-то особый интерес, натравливал своих подчиненных на этот рынок; но это — отдельная тема.)

Между тем экономический ущерб, нанесенный местными идеологами «Бобруйскому курьеру», больше в несколько тысяч раз, чем ущерб, нанесенный «государственной» видеокамере. Какой только дуст не применяли к «Бобруйскому курьеру» за эти годы! Рекламы лишали? Лишали. Распространять газету не давали? Не давали. Ярлыки «врагов народа», «желтой прессы» вешали? Вешали. Ну и где, спрашивается, правовые последствия, в каких кустах отсиживаются белорусские законники?

А ведь еще в декабре 2008 года руководством газеты была подана жалоба на действия местных властей. С достаточными доказательствами, со ссылкой на соответствующие статьи, в том числе в УК...

Ответ пришел (точнее, был истребован после истечения всех законных сроков для дачи / получения ответа) стандартный: «Факты не подтвердились...» Солнце зашло за горизонт — факты не подтвердились: в соответствии с белорусской идеологией светило так не может поступать. Появилась на небе луна «в ущербе» — распространение недостоверной информации о небесной канцелярии. Пошел дождь — нанесение морального вреда... В общем, принципом «в огороде бузина, а в Киеве — дядька» — можно заменить (при желании) практически все белорусское законодательство о СМИ.

Как не вернуться «на круги своя»

И вот здесь хочется поразмышлять уже не о прошлом, а о будущем. Буду не политкорректен.

Я вообще-то приверженец Ветхого Завета. Не в том смысле, что всех — к стенке, а в том, что всем сестрам — серьги «по ушам».

По моему глубокому убеждению (и жизненному опыту), если общество (наше, белорусское общество) не проведет символическую черту, не осудит публично прошлое, то мы так и будем «прыгать» из одного тоталитаризма в другой. Представим (хотя представить такое трудно и страшно): весна 1945 года, победившие фашизм страны решают — не будем ворошить прошлое, нагнетать страсти, устраивать разборки, кто прав, кто виноват, хватит уже, пора приступать к мирному созидательному труду в послевоенной Германии. Ну и что, через сколько месяцев (или дней?) возродится национал-социализм?

Пример яркий, контрастный? Безусловно. Но лично для меня (да и для истории тоже, она ведь дама, страдающая дальтонизмом) нет разницы — какого цвета тоталитаризм. Тоталитаризм есть тоталитаризм, и все тут. Поэтому такие сравнения вполне уместны.

А теперь снова о «наших баранах».

Семь лет власти уничтожали независимую газету «Бобруйский курьер» и практически добились своего. Действовали они, не скрываясь, осознанно, понимая, что нарушают закон. Орудовали на глазах всего 220-тысячного города и прочих наблюдателей, поэтому «наследили», оставили много свидетелей. И таких случаев в Беларуси — достаточное количество.

Между тем, пресса, СМИ вообще — это полицейский демократии. Ну, или комиссар полиции, выполняющий в обществе особую роль. Если убивают полицейского, что должно случиться? Правильно, должно «случиться» расследование и возбуждение уголовного дела.

Почему же тогда в случае с «убийством» «Бобруйского курьера» либо другого какого-нибудь издания, радио- или телеканала должно быть как-то иначе?

И никаких сроков давности! Пусть нынешний президент и обещает — см. эпитафия, — закон все же выше нас, выше президентов.

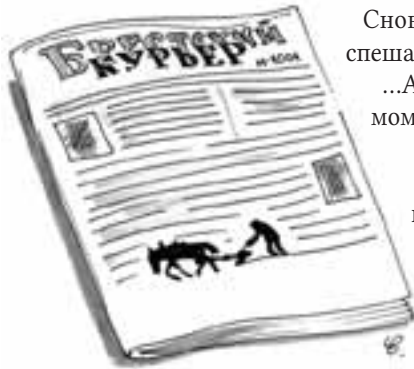
И это правильно.

Курьерский поезд со всеми остановками на событийном пути

«Брестскому курьеру»
исполнилось 20 лет

Николай
АЛЕКСАНДРОВ,
главный редактор «БК»

Снова в дедлайне — пишу на ходу, спеша и стремясь не опоздать.

...А с чего все началось тогда, в самом истоке нашей биографии?

С беспокойства и недоумения.

Старое на глазах осыпалось, как ветхая штукатурка со стен.

Новое замешивалось, бродило, свежо выросло без спросу и разрешения свыше. Возникли зияющие пустоты — свято место...

Да елы-палы — иди и производи то, что умеешь! Превращай слово в дело. Черпай поток времени горстями и тащи его в газету, которая обязательно сбудется, если не врать и не вешать на уши читателям стандартную лапшу агитпропа. И учись по ходу дела, как солдат, на передовую брошенный без всякой подготовки, не обученный всем навыкам выживания в батальях.

В первом же номере своей газеты написали: «Критерии публикаций «БК» — объективность, реализм, правдивость. Разумеется, при этом газета вправе высказывать и свою позицию по тем или иным вопросам. А самое, на наш взгляд, главное для всех нас сейчас — и для газетчика, и для промышленника, и для кооператора, и для дяди Васи дворника — делать свое дело так, чтобы не было за него стыдно».

Так и начинали вместе с Володией Романовым, Колей Копченовым, Витей Мишуровым, Олегом Шиповым... Иных уж нет, а те далече. Из зачинателей и чуть позже пришедших в команду продолжают путь в «курьерском поезде» Олег Супрунюк, Галина Тельнова, Александр Микрюков, Сергей Потапов, Валерий Молочников, Юрий Шапран — далее по списку платежной ведомости

В самом начале пути. «Легучка», мозговой штурм и просто дружеские разговоры.
Фото из архива «БК»

С кошкой Люськой «сверяет курс» заместитель главного редактора Валерий Молочников. Фото из архива «БК»

нашей бухгалтерии, которую ведет неугомонная Наталья Сорока.

То, о чем заявили на старте, — сохраняем и блюдем.

В 2000 году «Брестский курьер» стал первым в Беларуси лауреатом престижной журналистской премии «Молодая пресса Восточной Европы» фонда газеты «Zeit» (г. Гамбург, ФРГ). Приятно было получать эту награду. И ответственно: после такого нельзя сбавлять темпы, нужно двигаться дальше, профессионально расти.

Росли.

И будем далее возрастать — пока движемся...

«Брестский курьер» учрежден и зарегистрирован в 1990 году. Первый его номер вышел тогда же 7 декабря. Все эти годы газета является независимым изданием демократической направленности. В 1999 году «БК» стал лауреатом международной премии фонда газеты «Цайт» (ФРГ) «Молодая пресса Восточной Европы» (первым в Беларуси). В газете публикуются новости региона и республики, аналитические материалы по вопросам политики, права, социально-экономического развития региона, тематические страницы по автобизнесу, строительству, здоровью, молодежным проблемам и т. д.

***

Перешибая обух плетью
и розгами венчая лбы,
мы подошли к 20-летью
своей ухабистой судьбы.

Рожденные при дефиците
ума, и чести, и колбас,
мы были баснями не сыты,
когда свой заводили сказ.

И нас вело сквозь шум былого
не суесловие трибун,
а чуткое на правду Слово,
как путеводный гамаюн.

Пучина путча, голос улиц,
базары, выборы, фронты...
Мы в эту бучу окунулись,
с эпохой перейдя на «ты».

Здесь изучалась нами с бою
своя наука побеждать,
и увлекала за собою
газетных заголовков рать.

Ах, Лех Валенса, Вацлав Гавел...
Куда вас век запропастил?
Наш дядя самых честных правил,
а прочих в стойло заводил.

Эзопа кинула Европа,
а мы все ту же дурь толчем,
на спячку перейдя с галопа,
с трибун толкуя ни о чем.

Но, как бы нас ни било время
крылом размашистым своим,
мы верим в нынешнее племя
младое — и на том стоим.

Живи, твори, расти, газета,
с добром к читателю иди,
с доверьем в будущность гляди —
покуда вертится планета
в сетях бродяги-интернета —
работы много впереди...

Все-таки журналисты не такие уж и плохие люди. Хотела узнать какие-нибудь подробности из жизни юбиляра (чтоб предстоящий разговор оживить), а мне его «сдавать» никто не захотел. Мотивировали предсказуемо: это ж парадное интервью будет. Вот.

— Скучно! — попробовала я нажать на чувство профессиональной солидарности. — Он сам на втором абзаце заснет.

Нет, возразили мне, он как раз все по порядку, скорее всего, рассказывать будет — такой человек. И логику будет стремиться «закольцевать».

Если честно, я очень удивилась: у него ж должно быть столько лиц! Мельников — профессор ЕГУ. Мельников — член Правления БАЗ. Мельников в пресс-центре СНГ.

А начальником на БТ так долго был? А они — «логику закольцевать»!

Он обязан быть разным — «нелогичным» в том числе.

Эдуард Мельников между «до» и «после»

*Непарадное интервью
с человеком, которому 60*

...Нашлись мы в подземном переходе. Идем наконец-то в тепло — к дому. Уже практически у подъезда я на всякий случай наемкнула юбиляру, что, мол, как трудно брать интервью у коллег — такие они молодцы, когда о других речь идет, а о себе любимых — контролируют каждый шаг.

— А тут еще интервью у нас планируется как бы парадное... — кисло продолжила я, а Мельников подхватил:

— А давайте — непарадное? Я сам не люблю.

Он помолчал. Спустя несколько секунд продолжил:

— Знаете... журналистика не способствует приобретению друзей — всем она поперек горла. Властям она точно не нужна, терпят в лучшем случае. Мы избоблачаем пороки общества — моральные и психологические. Кому это понравится? В западном мире главный враг для журналиста даже не чинуши, а обычный человек. Когда я был в США, нам показывали статистику: 52% жителей этой страны считают, что СМИ слишком распоясались, много свободы имеют.

— Почему же тогда в 90-х мы пережили бум тиражей? Какой был всплеск интереса к периодике, программам радио и телевидения!

— Потому что 70 лет народы СССР держали в острейшем информационном вакууме — все истосковались по свободному слову.

— А потом?

— Наступило пресыщение.

— Сегодня создается впечатление, что большой части людей и не хочется знать правду. А оппонентов они и слышать не хотят.

— Есть два типа действий в нашем случае — или идти вперед, или закрыть глаза. Наши граждане чаще предпочитают второе. И вот еще что: наш народ в трех-четыре поколениях твердо убежден, что любые перемены обязательно будут к худшему. Вот не было на нашем веку такого, чтобы перемены или инициативы, распространяемые прессой, привели к улучшению. Если в советские времена в газете прочитал: подана такая-то инициатива, — тут же понимаешь: надо что-то припрятать — или мысли, или сбережения, или что-то еще. А эта 16-летняя власть — органическое продолжение той, советской.

— Но сейчас, когда речь идет об очень серьезных вещах — выборы, фальсификации, кто прав, кто нет, — разве не повод разобратся в происходящем?

— К сожалению, СМИ неубедительны. Они практически не владеют фактами: журналисты ничего не знают из того, что происходит, у нас

идут сплошные *комментарии* — и в государственных СМИ, и в негосударственных. У нас не журналистика фактов. Нам оставляют право только на мнения, и то — потому что вообще лишить общество информации нельзя, не то время. Посмотрите мониторинг БАЖ: пресса отгорожена от источников информации. Если мы все-таки узнаем точные факты, власть очень остро реагирует.

О журналистах и фактах

— Раз уж заговорили о БАЖ. Вы не считаете, что БАЖ несколько удаляется от народа? Как член Правления скажите, в чем главное предназначение ассоциации? БАЖ — это профсоюз?

— Вот не профсоюз! В Европе журналист платит в свой профсоюз довольно большие по нашим меркам взносы — несколько сотен евро в год. Из этого складываются фонды. В контракте с нанимателем предусмотрены права — вплоть до права на забастовку. Профсоюз может давить на нанимателя, добиваться уступок (в основном, конечно, речь идет об оплате труда). У нас этого всего быть не может. У нас журналисты, которые уважают принципы профессии, принятые, к примеру, в Европе, стали вдруг все «нечестными». А тот, кто готов подбрасывать на Площчу топорик (или, как было в 2006-м, шприцы в палатки), а потом все это снимать на видео, оказался «честным». Так вот: «нечестные» сталкиваются не столько с внутренней угрозой (внутри редакции), сколько с внешней.

— То есть БАЖ объединила людей для защиты от этой внешней угрозы?

— Да. Власть давно бы размазала нас всех, если бы не было меж-

дународной поддержки, которую

обеспечивает БАЖ. У нас практически нет противоречия между нанимателем и работником редакции. Зато есть опасность полного устранения независимых СМИ. От множества газет, созданных в 90-е, осталось совсем немного. Но возникают интернет-СМИ, процесс не остановишь. БАЖ — фактически правозащитная организация в сфере отстаивания права на свободу слова и распространение информации.

— Вам не кажется, что все же внутренняя угроза тоже присутствует? Качество работы журналиста (журналистика фактов, о которой мы говорили) во многом зависит и от оплаты его труда, как ни ужасно это звучит.

— Мы задели серьезную проблему. Никто не станет отрицать, что существуют противоречия между нанимателем и журналистом. Можно детализировать, но в принципе нам понятно, о чем речь. Когда придут другие времена и пресса сможет нормально развиваться (без лицензий, министерства информации и прессинга властей), проблема во многом растворится сама. Вместо одной газеты будет 20, и у независимого журналиста появится рынок труда. Так работает весь мир. Абсолютной свободы прессы как абстракции я не понимаю (этого нет в принципе), но есть свобода выбора. Пока не у нас. Говорят, политика — искусство возможного. А я бы сказал, что в целом и вся наша жизнь — искусство возможного. БАЖ активно сопротивляется и отстаивает принципы свободы печати во имя того, чтобы это «возможное» когда-то пришло и к нам.

Пока у нас каждодневное противостояние. Представьте себе шеренгу людей, перед ней омовцы в касках — и надо стоять. Друг против друга. Одного выбивают, остальные сдвигаются, подходят другие. Для меня это образ. Как только давление будет снято, независимая пресса вытеснит государственную в два счета.

Как в Петрикове ума набирался

— Цивилизованные государства после Второй мировой войны поняли самое главное: нужно воссоздать благоприятные условия для развития свободной прессы как оппонента власти. Фашизм и сталинизм показали: опасно лишать общество информации. Подконтрольные СМИ становятся инструментами пропаганды для властителей.

— А вот вы, как раз спец по этой части, осознали, что много лет были таким инструментом? Вы ведь работали в Главной редакции пропаганды на БТ?

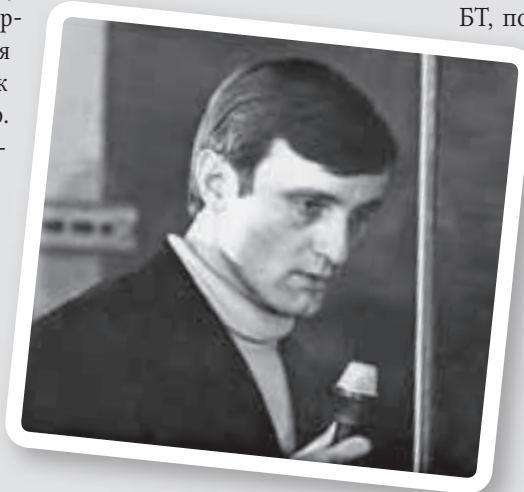
— Я тут недавно собирал справки для пенсии, — усмехнулся юбиляр, — и вся моя жизнь пронеслась перед мысленным взором! Читаю трудовую книжку: «Отдел экономики, строительства, промышленности и сельского хозяйства Главной редакции пропаганды», — да, это так называлось.

Если вспомним Ленина, — это называлось еще и экономическим воспитанием масс.

— Вы понимали, что льете воду на колесо тоталитаризма?

— Насчет тоталитаризма не скажу, а вот то, что советская власть была устроена «не по уму», я начал понимать с приходом на работу в штат БТ, в 1972 году. До того был богатеньким студентом — с 18 лет сотрудничал с научной редакцией

БТ, получал гонорары, а это серьезный привар к стипендии. Я делал передачи на строительную тему, репортажи разные и думал, что так дальше и буду себя прекрасно чувствовать. Но по распределению меня отправили в сельскую редакцию, и там я многое понял.

История про озимые

Я вырос на асфальте и ничего не понимал в сельском хозяйстве. Но в министерстве сельского хозяйства познакомился с толковыми мужиками, которые рассказали много полезного. Я поднаторел довольно-таки неплохо и в сентябре отправился в Петриковский район — контролировать сев озимых.

Конечно, я не знал толком, что именно надо проверять. Но меня на этот счет просветили: «Возьми карту у председателя райисполкома — пусть покажет, как отсеялся. Если засеял меньше 70 процентов, — плохо дело. Вообще-то, мы тебе уже прямо сейчас скажем: не засеялись они там. По нашим сводкам, там плохо, потому мы туда тебя и посылаем».

Дают мне машину, съемочную группу и напоследок еще просвещают: «Как начнут сеять, обращай внимание на трактор, чтоб за ним было 2 сеялки. Если одна — нерациональное использование горючего».

Вот я — пацан, которого науськали до самой невозможности, напустил на себя строгий вид и пристал к председателю колхоза: «Почему площади не освоены? Почему одна сеялка?» А он отвечает: «Сеялка одна, потому что ландшафт неровный. Две сеялки трактор не потянет!» Я немного растерялся и подумал: а черт его знает, может, он и прав?.. Но — молчу, проверяю дальше. Вижу: трактор стоит, двигатель вынут, механизаторы чумазы. Мы начинаем их снимать, они в страхе разбегаются. Я руки потираю — такие кадры привезу!

Пожилой председатель смотрел-смотрел на меня и уже в конце командировки говорит: «Я вижу, ты стараешься и вроде не вредный. Так,

может, я тебе поясню кое-что? Вот мы живем на юге Полесья, тут у нас песчаники и тепло. Посмотри, что делается: в сентябре 30 градусов! Если мы элитные семена сейчас закопаем, они сгорят. Это в Витебской области уже дожди, но нам сеять никак нельзя. Я потеряю семенной фонд. Мало ли что из Минска прикажут... ты ж сам пойми!»

В тот год пол-Беларуси отсыялось в установленные сроки, и на юге все зерно сгорело к чертовой матери. Сеяли второй раз — опять сгорело, потом третий раз — что вошло, то вошло. Горючего потратили — не сосчитать. Вот тогда я и подумал, что авторитарное правление (такого слова я тогда, конечно, не знал) до добра не доведет.

— А репортаж в итоге какой вышел?

— Должен признаться, я сделал то, что мне сказали: «Ёсць раёны, якія добра працуюць, а ёсць, якія марудзяць», — слово такое было у нас частенько... Но после Петрикова я сильно задумался и скоро перестал делать репортажи по заданной установке, стал придумывать свое.

О том, как стал «расследователем»

— Сначала я придумал конкурс колхозов — участников ВДНХ. Не бог весть что, но получилось неплохо — прямой эфир, непредсказуемость. Это был КВН на сельскохозяйственную тему. Потом я перешел в промышленную редакцию, и там начались, говоря современным языком, журналистские расследования — по-советски сделанные, но все же.

— А что значит «по-советски»?

— Понятие времени для жизни каждого человека очень важно. Время меняет не только русло рек, но и весь ландшафт. Сейчас многое можно рассказывать, а молодые не поймут: почему то, что в 1974–75 годах казалось революционным, может, в какой-то мере даже опасным или «на грани», сегодня выглядит наивным? Я делал журналистские расследования в своей программе «ТелеОТК». Была такая аббревиатура — отдел технического контроля. Посвящены мои программы были злободневным вопросам: почему наша советская промышленность не может сделать хорошую одежду, мебель, телевизоры. Вот скажите, как сегодня объяснить молодым, что не было в стране... тазиков? Или колготок? Почему не было самого элементарного? Ну не было — и все!

— Это и нам, жившим в те годы, было сложно понять. Ну и как вы расследовали это дело?

— Я по заводам распространял через парткомы тысячи анкет. И рабочие отвечали откровенно,

поскольку анкеты были анонимными. Что люди писали — жуть! Вдобавок я узнавал разные тонкости в Госстандарте — была такая организация, они мне выдавали некоторые секреты, а я потом в прямом эфире сводил министров торговли и легкой промышленности. В Доме моделей — девушки в красивом по подиуму ходят. Потом в магазинах — не на что смотреть. А потом уж начинали разбирать с министрами: почему такое несоответствие.

Однажды я ехал в Бобруйск после передачи — весь вагон говорил о моем эфире! Минута славы такая... Но при этом я не понимал, что это система виновата, а не министры. Ни в петриковском колхозе, ни тут я не делал политических обобщений — был слишком молод. Мне нравилась сама схема расследования — потом я делал программу «Спросим себя, товарищи». Это были рабочие собрания прямо в цехах предприятий. И выходили они... в прямом эфире. Люди говорили резко, не стесняясь. О штурмовщине, о бюрократах, о безалаберности вечной... После таких «собраний» пара директоров предприятий слетела. Я видел штурмовщину, поставки — весь букет проблем. Вы такое можете сейчас представить?

Потом была «Операция «Телевизор»».

«Операция «Телевизор»»

Это история о том, как советская власть заботилась о человеке. Наша промышленность стала выпускать цветные телевизоры. Очень плохие. Поэтому их требовалось все время чинить. На этом «поле» выросла целая мафиозная структура поборов с населения.

В семи квартирах мы поставили семь телевизоров. Позвали своих инженеров из телецентра, они достали из приемников детальку стоимостью 50 копеек. Во всех телевизорах была одинаковая «поломка». Простые жители (мои друзья) вызвали мастеров из разных служб объединения «Белбытрадиотехника» и попросили телевизоры починить. Я просил всех «клиентов» сохранять накладные и все детали, которые изымались мастером из приемника при починке. Итог всех ошеломил: за 50 копеек телевизор починил один-единственный парнишка, который недавно закончил ПТУ и еще, видимо, не освоился «на линии». В остальных шести случаях ремонт стоил от 1 рубля 40 копеек до 7 рублей 40 копеек. Из телевизоров изымались исправные детали и за «соответствующую» плату заменялись на такие же.

Эта передача была замечена заместителем председателя Совета министров. Он написал «телегу» в ЦК. Вызвали меня на «ковер»: на каком основании вы очерняете целую отрасль народного хозяйства, перечеркиваете работу огромных коллективов? Все припомнили — и «Белбытрадиотехнику», и трикотаж, и остальное. Меня спасли анкеты, которые я собрал на предприятиях. Я положил их на стол, туда же — исправные детали, которые ремонтники вытаскивали из телевизоров. «Допрос» велся в отделе пропаганды ЦК компартии.

Там посмотрели на мои «доводы» и, как ни странно, увидели в этом свой интерес! Они решили подать дело так, что вот, мол, на белорусском телевидении есть «зубастые» передачи, которые говорят о торжестве социалистической демократии! Понимаете, как интересно? И ЦК КПБ меня заслонил от «наездов» отраслевиков и Совмина. Меня не только не уволили, но вписали в свои отчеты о проделанной работе! Потом я еще и в «Правде» про себя прочитал: «Есть передачи в республиках СССР, которые вскрывают наши недостатки...» После этого меня вообще не трогали. Вот так идеологическое клише советской власти закрыло меня от неприятностей. С тех пор я стал таким «расследователем».

— Но с коллегами проблем избежать не удалось? Вряд ли они все радовались вашим успехам.

— Получилось так, что я действительно «заелся» со своими «коммунистическими» главными редакторами — они были хорошие люди, но тянули куда-то назад. Мне хотелось делать что-то реальное, живое. Я даже собрался уходить в «Знамя юности» — эта газета тогда была очень интересной. Я уже собрался было увольняться, но на БТ в этот момент пришел новый руководитель Геннадий Буравкин. Он поменял многих начальников, а меня назначил заместителем главного директора программ белорусского телевидения. Я тогда

защищал диссертацию... словом, мне пришлось уйти — это был 1986 год. Я защитился, преподавал, а потом вернулся на БТ. Через 5 лет вернулся на БТ главным редактором общественно-политических программ. Но время уже было другое, 1992–1994 годы.

Ослабление власти в постсоветский период автоматически повлекло за собой свободу слова. У нас так все время получается, жизнь — как сообщающиеся сосуды: меньше свободы — больше власти, и наоборот. Не получается у нас так, как в Европе, чтобы и власть была нормальная, и свобода слова ценилась.

— Давайте вспомним выборы 1994 года. О чем вы думали, на что надеялись?

— К 1994 году мы пришли с сильным коллективом Главной редакции общественно-политических программ. Нам писали огромное количество писем, я упивался тем, что мог работать, как хотел. Я понял, что меня назначили зампредом под выборы. У меня не было каких-то особых взаимоотношений с Кебичем, просто много лет назад вел из цеха станкостроительного завода им. Кирова одно из тех рабочих собраний. А он был там директором и выводил завод из прорыва. Но не думаю, что это сыграло какую-то роль, я вырос в этих недрах и был одной из фигур, которую взяли и назначили. А почему назначили — им виднее.

— В надежде на укрепление тылов?

— Очевидно, да. Но, поскольку ситуация была к тому времени достаточно раскрепощенная, все 7 кандидатов, которые выдвигались, получили абсолютно равный доступ к эфиру.

Случай перед выборами 1994 года

Доверенным лицом Кебича был народный артист СССР Николай Николаевич Еременко-старший. Кебич все-таки был премьер-министром — фактически первым лицом страны. Еременко должен был прийти к нам и первым записать своего кандидата на удобное эфирное время. Наша обязанность — обеспечить эфир и ведущего, чтобы каждому кандидату было легче раскрыться перед зрителем. Еще в студии присутствовали два юриста из ЦИК, чтобы наблюдать за процедурой, — все должно было проходить в соответствии с законом.

Получив журнал, я сразу позвонил Николаю Еременко, чтобы он выбрал время для визита к нам. К телефону подошла жена Николая Николаевича: «Да вы с этим журналом отстаньте, он только что пришел из театра, я ему борщ налила!» Я еле уговорил — Еременко приехал с бумажкой, на ней расписано время, когда будет выступить Кебич. Я смотрю в бумажку — время

неудобно: параллельно по другой программе футбол — кто ж будет смотреть Кебича? Другое время перекрывает параллельный детектив. Я не понял — спрашиваю: «А зачем вам такое время плохое?» Он говорит: «Мне так сказали, я ничего не знаю — записывайте, и дело с концом». Я и записал, как он сказал.

Только он вышел за дверь, влетает Александр Федута и говорит: «Ну что — записался? Какое время осталось?» Я Федуту первый раз тогда видел — я знал, что он первый секретарь комсомола, но что он из себя представляет, понятия не имел. После того как он стал вписывать в эфир Лукашенко, я его зауважал. Он обращал внимание на все — тут футбол, тут художественный фильм — и расставил своего кандидата в самые хорошие, смотрбельные, «лакомые» промежутки эфира. Потом и остальные подошли, и все были расставлены кто как. Но лучшее время Федута выбрал для Лукашенко.

— Вам приходилось вести эфиры с участием Лукашенко. Расскажите о своих первых впечатлениях.

— Мы собирали на эфиры общественных деятелей, членов инициативных групп. Должны были прийти Ходыко, Акулов (ныне покойный), Федута. За несколько минут до эфира вместо Федуты пришел Лукашенко: «А можно я выступлю?» Говорю: «Да, ради Бога!» Это были прямые эфиры.

— Теледебаты на президентских выборах 1994 года тоже ведь вы вели?

— Да, я вел финальные дебаты — и первые, и вторые. Когда мелькают в хронике эти эфиры, я вижу: на мне белый костюм — первый тур, темный — второй. Или наоборот? Уже не помню.

Должен признать, что Лукашенко использовал прямой эфир наиболее продуктивно, он и вел себя наиболее свободно — он очень медийная фигура.

— А сейчас?

— Он наступает на те же грабли, что и Кебич в период премьерства: чем больше он на экране, тем больше раздражает. Но тогда он сумел использовать стихийную демократию в своих целях очень эффективно. Всегда давил на чистые эмоции, на «разоблачение» существующей власти, как неспособной руководить страной. Что говорить, заводы тогда действительно стояли, а он обещал: я запущу заводы, накормлю.

— Ваши симпатии были на чьей стороне — только честно?

— Мне было все равно. Звучит странно, но это так. Я видел, что Лукашенко убедителен, хотя и недоказателен. Вот, к примеру, как он использовал эфир на дебатах: «Знаю я, — говорит, — как вы мешки с долларами в аэропорту таскаете!» Кебич потом уже, после эфира, спохватывается: какие мешки?.. Это, говорит, обычная банковская практика — под залог кредиты выдаются... Но кто

это знает, какие кредиты? Посыл уже брошен в массы. Пусть бездоказательный, но он усваивается мгновенно — это закон массовых коммуникаций. Фраза брошена, люди ее услышали и подумали: ага — воруют! Чтобы объяснить, что это не так, надо кучу всего растолковать, даже если и начнешь — это будет долго и неинтересно. Люди скажут: врет, наверное... В общем, про мешки с долларами все запомнили и про то, что «власть валяется в грязи — надо ее поднять». Эти фразы шли на «ура». Лукашенко очень высоко ценил возможности ТВ — знал, что телевизор может сделать из него фигуру.

— Как работало при Лукашенко?

— Председателем назначили Григория Киселя, который ничего не знал о телевидении, так как был газетчиком. В компании провели перерегистрацию. Очень умно. Это была не чистка, а новый прием на работу. Но я все понимал и приготовился уходить, потому что меня воспринимали — ясно, каким образом. Заглядывая к Киселю сказать «до свидания», а он: «Заходи-заходи!» Оказалось, у него жуткий дефицит кадров был. Кто-то из тех, кому предлагали, отказывался от руководящих должностей. С осени 1994 года по июль 1995 года, когда я ушел, мы раскрутили студию «Политика», программу «Темная комната» и остальное... и нарвались тогда уже по-крупному. Два с половиной часа меня допрашивал председатель КГБ Егоров. А ведь в эфире мы говорили только о том, что уже написали газеты.

— Вы заметили пресловутый переломный момент в поведении президента?

— Нет — и не хочу строить догадок. Я излагаю только факты: на начальном этапе манера общения власти с народом изменилась. К лучшему. Мы вели прямые линии в прямом эфире с Лукашенко, Мясниковичем, Мариничем, Синициным. Один из первых эфиров я помню хорошо. Прямой эфир — вновь избранный президент общается с людьми. По всей стране расставлены ПТС, на улицах народу набилось, там были репортеры. А в студии представлена вся независимая журналистика — такая «компашка», человек 12–14. Я включаю Брест, Могилев, Витебск. Из Могилева на улице говорит женщина: «Александр Григорьевич, как хорошо, что вы пришли к власти. Вот у нас в больнице нет лекарств и пр. и пр. Вы наведете порядок?» Президент ей отвечает: «А вы меньше сумками лекарства из этих больниц тащите — и будет у вас все!» На этом связь обрубилась, но я еще вижу с камеры в Могилеве: женщина заплакала, однако в эфире этого уже нет. Мне это почему-то очень запомнилось.

Потом журналисты задавали ему вопросы, он отвечал, как всегда, уверенно. Я смотрю на часы — прямой эфир заканчивается, я пытаюсь

выкрутить какими-то словами на завершение. А он — р-р-аз и снова говорит — как бы подхватывает мои слова и продолжает! Потом он заметил, что я нервничаю, и говорит: «Что ты меня все время закругляешь? Разве Кисель нам не даст еще часик-полтора в прямом эфире?» Кисель машет из аппаратной: «Да-да, работайте-работайте». Вот — отношение к государственному телевидению: мое телевидение, хочу — беру эфир, хочу — нет.

Я оказался в дурацкой ситуации — что мне делать еще полтора часа? От отчаяния и решил весь эфир перевернуть. Говорю: «Александр Григорьевич, сначала журналисты вам вопросы задавали, а давайте теперь вы задайте им вопросы...» Мне потом говорили, что не поверили в спонтанность, будто бы все это было задумано заранее, но на самом деле это не так.

— Ну и какие президент вопросы задавал?

— По-моему, он обрадовался такой подаче. Он всегда читал прессу, журналистов знал по именам, память у него прекрасная, вот он и приступил: а почему ты писал то, а ты почему — это? Пока не

дошло до Паши Шеремета, который на его вопрос ответил своеобразно: я вообще за вас не голосовал, вы не мой президент.

— Это было уже после «Проспекта»?

— Думаю, да.

Как стать свободным художником

— После референдума 1995 года я ушел в никуда. Это потом уже работу в структуре СНГ мне предложили: работал там 5 лет. Работа была хороша, зарплата тоже. Я организовывал пресс-конференции Ельцина, Примакова, Черномырдина...

Я вот сейчас работаю на Белсате просто наемным работником — пока работается.

— Белсат — он кому нужен?

— Полмиллиона человек смотрят. Тарелки стоят уже не только на западе страны, но и на востоке.

Знаете, сейчас, когда я работаю на Белсате просто как журналист и преподаю в ЕГУ, начался один из немногих периодов моей 40-летней работы, когда я абсолютно свободен. Я делаю свое — как хочу. На меня никто не давит, мои герои говорят то, что думают, я планирую то, что мне интересно как журналисту. Жаль только, приходится эти программы делать за рубежом. Но современные технологии, интернет все делают доступным. Включайся и смотри. Было бы желание.

Что бы мы там ни говорили о сложностях взаимоотношения власти и СМИ, наше дело — показывать, будить мысль. А все эти дефиниции: авторитарно, не авторитарно, правильно или нет, идеологично — не очень... мне это уже не интересно. Вот — наша жизнь. Она такая, как этот разговор. И я хочу показывать ее такой, какая она есть, под тем углом, который кажется мне важным.

*Беседовала Марина Беляцкая
Фото из архива Э. Мельникова*

Поэт и бывший руководитель белорусского телевидения разделил современное ТВ на две части, объяснил, чем Сергей Дорофеев лучше Егора Хрусталева, и рассказал, кто из белорусских спортсменов радуется больше всего.

Юрий МИХАЛЕВИЧ,
Goals.by

«Называть телевидение 80-х лишенным национальных признаков может только полный демагог!»

«Руководство страны со мной не советуется»

— Кто такой Геннадий Буравкин?

— Поэт, лауреат Государственной премии Беларуси имени Янки Купалы, лауреат премии ПЭН-центра имени Алеся Адамовича, Чрезвычайный и Полномочный посол... Пожалуй, хватит.

— Что бы вы назвали предназначением всей жизни?

— Сделать нечто доброе для родной земли, оставить после себя след в ее истории. Поскольку Бог наделил меня какими-то литературными способностями, то этот след — слово.

— А как вы пришли в журналистику?

— Пробовал писать еще до поступления в Белгосуниверситет, причем не только в рифму. Мои заметки публиковались в газетах. И когда стал перед выбором, кем быть, решил идти в профессию, связанную со словом, творчеством. На филфаке БГУ было отделение журналистики. Конкурс тогда там был порядка 10 человек на место. Поступил, дальше шел по намеченному пути.

Кстати, со своей будущей женой познакомился в родном университете. Поженились мы, когда она была на третьем курсе, я — на пятом. Вместе с Юлей мы уже 52 года — целая жизнь.

— Сегодня вы свободный художник. Каково им быть?

— Пишу то, что хочу, а не то, что кому-то надо. К тому же с возрастом пришло внутреннее спокойствие. Так что наслаждаюсь жизнью. Какая-никакая пенсия у меня есть. Я свободный человек.

— Как уверенно вы назвали себя свободным человеком! А почему же отношение к вам со стороны государства, мягко говоря, не доверительное?

— Руководство страны со мной не советуется, и я с ним не имею контактов. Много, что происходит в стране, мне не нравится. Как бы там ни было, рано или поздно за все придется отвечать. Был «великий и мудрый» Иосиф Сталин. Потом он стал тираном и чуть ли не дураком. Был Никита Хрущев. Потом он стал посмешищем. Был Леонид Брежнев, потом люди стали над ним издеваться. Придет время — люди станут совсем иначе говорить о делах и поступках, которые совершаются теперь.

«В Беларуси ТВ говорит: делай только так и думай только так!»

— С 1978 по 1990 год вы работали председателем Гостелерадио БССР. Какие воспоминания остались о тех временах?

— Непростой период моей жизни, но очень интересный. Мы ведь создавали национальное телевидение. Тогда на БТ работало много по-настоящему талантливых людей, преданных идеям, живущих только общим делом.

Раньше телевидение было частью культуры. Не шоу-бизнесом, а культурой! Мы снимали телебалеты, телеоперы, много эфирного времени уделяли музыке, литературе, театру... Сегодня ТВ-передачи разделяются на две части: официальный информационный пропагандистский блок и пустая, бездарная развлекаловка. Деньги и раньше были важны для журналиста, но главным оставалось творчество.

Сегодня смотрю телевизор и вижу, что люди, которые там работают, зачастую поверхностны и малообразованны. Кто они? Политическая прислуга или обаятельная пустышка?

Мне нравилось, как работал на ОНТ Сергей Дорофеев. Это была журналистика. То, что до Дорофеева делал Егор Хрусталева, — несерьезно! Нет интеллектуального уровня.

В новогодние вечера на белорусском ТВ с удовольствием можно было смотреть лишь «Вялікую розніцу», которую подготовили москвичи. Иван Ургант и Саша Цекало — это уровень. Как они свободно себя чувствовали и вели! А какими зажатыми предстали наши так называемые звезды! Они ведь привыкли вещать с экранов, а не быть такими, как есть, нормальными людьми...

Телевидение должно помогать обществу становиться лучше, свободнее. А у нас оно говорит: делай только так и думай только так! Куда с ним можно прийти?

— *На вашу критику белорусского ТВ недавно ответил бывший председатель Белтелерадиокомпания Александр Зимовский. Он сказал, что на протяжении 12 лет вашего руководства Гостелерадио БССР было «самое скучное, тупое, совершенно лишённое национальных признаков телевидение...»*

— Называть телевидение 80-х лишённым национальных признаков может только полный демагог! Раньше белорусское ТВ на 70–80 процентов было белорусскоязычным. Сейчас не более, чем на 5 процентов. Тогда спортивные репортажи велись по-белорусски, все информационные программы — тоже. Мы снимали фильмы, пользовавшиеся огромным успехом не только среди наших людей, юмористические передачи, концерты с участием народных артистов со всего Советского Союза, которые пели, кстати, на белорусском языке.

То ли Зимовский тогда не смотрел телевизор, то ли уже тогда был не всегда адекватен. «Чья бы корова мычала!» Может, это и грубовато, но товарищу Зимовскому я бы посоветовал помолчать.

— *Знаете ли вы, кто теперь возглавляет БТ?*

— Давыдько, мой тезка.

— *Что скажете об этом назначении?*

— Посмотрим, что выйдет из этой идеи. Единственное скажу сразу: не завидую Геннадию Брониславовичу. Он не совсем знает, что такое телевидение изнутри. Телевидение — это еще и важное политическое оружие. Нужно точно улавливать изменения различных веяний и в то же время помнить, что ТВ — «орган» общества, обязанный отражать все, что происходит в обществе, а не только то, что кому-то хочется видеть на голубом экране. Иначе люди не будут смотреть ТВ, тем более любить.

Давыдько будет сложно. Если Зимовский был откровенным «адъютантом» у чиновников, то Геннадий Брониславович творческий человек. Дай Бог, чтобы у него получилось!

«Английский футбол интереснее, чем эстрадный концерт»

— *Какого вы мнения о работе спортивных телевизионных редакций страны?*

— Кстати, спортивные трансляции, передачи о спорте — чуть ли не единственное, что я смотрю на отечественном ТВ. Хорошо помню, как мы начинали работать с темой спорта. Владимир Новицкий, ветеран нашей спортивной журналистики, начинал тогда с самых низов профессии и отдал ей все, чем одарил его Бог.

Правда, в последнее время, как мне кажется, Новицкого «несет». Создается впечатление, что ему важнее рассказать не о том, что происходит на площадке, а о том, что он принес с собой на передачу, «накопал» где-то в интернете.

Я высокого мнения о Сергее Новикове. Этот спортивный комментатор — номер один на нашем ТВ. Жаль, что не так часто его слышу, как хотелось бы.

У комментатора должно быть свое мнение, должно быть «право на анализ». Я ведь и сам вижу, что происходит на поле, а от комментатора я хочу услышать то, что мне недоступно.

— *Комментатор Александр Цвечковский рассказывал мне, что у него, например, на анализ не остается времени.*

События на площадке изменяются настолько быстро, что важно не упустить момент, который может повлиять на исход противостояния.

— Цвечковский сам себя оправдывает. Я тоже могу говорить, кто побежал налево, кто направо. Аналитика не должна быть длинной, но нужно, чтобы в ней содержалась нетривиальная мысль.

— *Победа минского футбольного «Динамо» в чемпионате Советского Союза — помните, как это было?*

— Конечно. Это было замечательное событие в белорусском футболе, таковым остается и сегодня. Тогда, кстати, Игорь Лученок написал музыку к поздравительной песне динамовцам, а — слова. Исполнил песню Слава Евдокимов.

— *Сейчас за футболом следите?*

— Да, но все больше за английской премьер-лигой. Английский футбол для меня гораздо интереснее, чем, скажем, эстрадный концерт местной или российской попсы. Болею за лондонский «Арсенал». Почему? Нравится Арсен Венгер — интеллигентный человек, берущий в свою команду молодых игроков и раскрывающий в них таланты. Анри, Насри, Фабрегас. Список можно продолжать...

— *А об Александре Глебе что скажете? В какой-то мере его тоже раскрыл Венгер.*

— Не знаю, что происходит с Глебом. Он, конечно, не футболист самого высокого уровня, но в истории белорусского футбола — редкая фигура. Думаю, он ошибся с переходом в «Барселону». «Арсенал» был его командой, Венгер его любил, у него были отличные взаимоотношения с партнерами на поле и вне его.

Раньше было очевидно, что Глеб выше по классу других футболистов сборной нашей страны. Сегодня он не похож на себя. Надеюсь, у Глеба поправятся дела в «Бирмингеме».

— *Какого вы мнения о выступлении сборной под руководством Бернда Штанге?*

— Наша сборная — средняя добротная команда. Не скажу, что получаю удовольствие от того футбола, который демонстрирует дружина Штанге. Но иногда случается.

— *Расскажите о последних достижениях белорусов в спортивном мире, которые вас порадовали.*

— Какие молодцы и красавицы наши девчата-баскетболистки! Какой молодец тренер Анатолий Буяльский! И как несправедливо к ним государство!

Какие дикие деньги мы вбухиваем каждый год в хоккей. Белорусские хоккеисты — мастера средней руки. Приехал в Беларусь на закате карьеры Петр Сикора. Та же история с Даниэлем Корсо. Лучше бы чиновники вкладывали средства, потраченные на покупку этих хоккеистов, в развитие детского спорта, того же баскетбола. Девчонки приезжают на соревнования готовыми бороться. Если они проигрывают, я им прощаю.

Болею за Дашу Домрачеву. Еще за одну белоруску — Викторию Азаренко. За наших «молотобойцев» — Вадима Девятовского и Ивана Тихона... Ну и жду открытий.

Незваротная дэрусіфікацыя

Кастыў ЛАШКЕВІЧ

Руская мова здае пазіцыі ва ўсіх экс-савецкіх рэспубліках, апроч Беларусі

Мала хто памятае, аднак да 1989 года ўсяго ў дзвюх з 15 рэспублік СССР мовы тытульных нацый мелі статус дзяржаўных. Ва ўсіх іншых ані афіцыйных, ані дзяржаўных моў не існавала.

Фармальна ўсе мовы народаў СССР былі роўныя ў правах, аднак на практыцы першасны статус мела толькі руская.

Сёлета спаўняецца 20 гадоў, як спыніў існаванне Савецкі Саюз, які для адных быў «самай магутнай краінай у свеце», а для другіх — «імперыяй зла». Адным з самых вострых на хвалі пераменаў стала «моўнае пытанне».

Што змянілася за два дзесяцігоддзі ў былых «суседзяў па камуналцы»?

розніца. Аднак больш за 60% жыхароў Украіны лічаць роднай украінскую, больш за 30% — рускую. Што да моўнага ўжытку, то тут крыху пераважае руская, якой карыстаюцца больш за палову грамадзян Украіны. Больш за 10% украінцаў размаўляюць на суржыку — украінскай «трасянцы».

Нягледзячы на ўсе высілкі па ўкраінізацыі краіны, руская мова пераважае ў кнігадрукаванні (больш за 90% прададзеных кніг напісаны па-руску). Найбольш папулярныя і аўтарытэтныя друкаваныя СМІ таксама рускамоўныя. Тэлебачанне ў асноўным украінскамоўнае, аднак на

КРАІНЫ УСХОДНЯЙ ЕЎРОПЫ

Украіна

З усіх постсавецкіх рэспублік найбольш зразумелая беларусам сітуацыя з мовай у суседняй Украіне, дзе пануе не фармальны, але рэальны білінгвізм. Усе валодаюць украінскай і рускай мовамі, выкарыстоўваючы іх у прыблізна роўных прапарцыях.

Традыцыйна ў заходнім, паўночным і цэнтральным рэгіёнах краіны пераважае дзяржаўная ўкраінская мова, на поўдні і ўсходзе — руская. Даныя перапісаў і сацыялагічных апытанняў вельмі

Photo.bymedia.net

шэрагу каналаў адпаведныя праграмы трансляюцца па-руску (не больш за 50%). У інтэрнэце большасць найпапулярнейшых рэсурсаў маюць двухмоўныя версіі.

За часам кіравання лідара «памаранчавай рэвалюцыі» Віктара Юшчанкі (2005–2010 гады) Украіна ўзяла выразны курс на нацыяналізацыю ў розных сферах. З прыходам да ўлады Віктара Януковіча пачаўся адкат.

«У параўнанні з пачаткам 90-х сітуацыя з украінскай мовай, вядома, палепшылася, — распавядае віцэ-прэзідэнт Асацыяцыі ўкраінскіх пісьменнікаў Сяргій Жадан. — Прынамсі, большасцю насельніцтва ўкраінская ўжо не ўспрымаецца як выключна ідэалагічны фактар, ператвараецца ў мову нармальных зносін. Украінская мова выйшла з рэзервацыі і перастала быць экзотыкай. З’явілася новая ўкраінская літаратура, якую чытаюць. З’явілася ўкраінская поп-музыка, якую слухаюць. Прыкметна вырасла прысутнасць украінскай мовы ў тэле- і радыёэфіры, прэсе, рэкламе. Нават нашы палітыкі спрабуюць гаварыць па-ўкраінску. Пры гэтым частка грамадзян Украіны па-ранейшаму ігнаруе мову тытульнай нацыі».

Жадан бачыць сур’ёзную праблему ў тым, што ў жыцці краіны адбываецца адкат, і мяркуе, што бліжэйшым часам моўная сітуацыя можа рэзка пагоршыцца.

Летась ВНУ дазволілі весці навучанне на замежных мовах (указ прымаўся найперш «пад рускую мову»). Быў адменены абавязковы дубляж імпортных кінафільмаў на ўкраінскую мову.

Абавязковы мінімум ужывання ўкраінскай мовы ў тэлеэфіры знізілі з 95% да 75%. Ужо сёлета была адменена 50-працэнтная квота на трансляцыю ў тэле- і радыёэфіры твораў украінскіх кампазітараў.

Малдова

Галоўная інтрыга моўнай сітуацыі ў Малдове — у назве мовы тытульнай нацыі, якая мае статус адзінай дзяржаўнай (75,8% насельніцтва лічаць яе роднай, і 73,8% выкарыстоўваюць як першую). Тройчы за гады незалежнасці сённяшняя малдаўская мова мяняла сваю назву ў заканадаўчых актах — на румынскую і назад. Большасць мовазнаўцаў перакананыя, што праблема назвы — выключна палітычнае пытанне, бо малдаўская і румынская — адна і тая ж мова.

Другая па распаўсюджанасці ў краіне — руская мова, якой карыстаюцца 16% жыхароў краіны. Нягледзячы на тое, што з 2002 года ўсё афіцыйнае справядства вядзецца па-малдаўску (інтэрнэт-сайты ўсіх дзяржорганаў карыстаюцца некалькімі мовамі), руская захавала статус мовы міжнацыянальных стасункаў. У Малдове працуюць рускамоўныя школы, ёсць рускія групы ў ВНУ. Трэцяя па ўжытку — украінская мова (родная для 4% жыхароў).

Цікава, што ў сярэдняй адукацыі самая пашыраная замежная мова не ангельская (вывучае 48% школьнікаў), а французская (52%).

Паказальнае выкарыстанне моваў у СМІ. Сярод топ-10 інфармацыйных выданняў у інтэрнэце — найбольш на малдаўскай мове. Багата рэсурсаў прадстаўлена ў двух- (малдаўская, руская) ці трохмоўнай (+ ангельская) версіях. Ёсць таксама рускамоўныя СМІ. Характэрна, што амаль усе сайты найбуйнейшых прадаўцоў паслуг маюць малдаўска- і рускамоўную версіі.

У непрызнанай рэспубліцы Прыднястроўе тры афіцыйныя мовы: руская, малдаўская, украінская, — прычым прыярытэт мае першая.

КРАІНЫ БАЛТЫ

Латвія

Адзіная дзяржаўная мова ў Латвіі — латышская. У савецкія часы ў выніку пераезду ў рэспубліку значнай колькасці расійцаў руская мова стала роднай больш як для 40% жыхароў рэспублікі. З абвясчэннем незалежнасці ў 1991-м быў узяты курс на нацыяналізацыю ва ўсіх сферах, што выклікала пратэст нелатышкага насельніцтва. Асабліва негатыўна быў успрыняты перавод школьнай адукацыі на мову тытульнай нацыі (ва ўсіх школах 60% прадметаў мусяць выкладацца

па-латышску). У дзяржаўных ВНУ навучанне вядзецца толькі па-латышску.

У дзясятцы самых папулярных у Латвіі газет — 6 латышкамоўных і 4 рускамоўных. З васьмі інфармацыйных тэлеканалаў шэсць вясчаюць па-латышску і два па-руску. Доля рускамоўнага кантэнту ў латвійскім інтэрнэце складае 30%. Прыватныя інфармацыйныя і камерцыйныя парталы найчасцей падаюць інфармацыю на дзвюх мовах.

З іншага боку, у сямі найбуйнейшых гарадах Латвіі рускамоўнае насельніцтва складае большасць, што забяспечвае побытавае выкарыстанне рускай мовы. Без яе ведання знайсці працу ў буйных гарадах амаль немагчыма. Бізнес Латвіі пераважна рускамоўны.

Дзяржаўныя органы працуюць на латышкай мове, якую лічаць роднай 63% насельніцтва, аднак прымаюцца заявы і па-руску.

Эстонія

З набыццём незалежнасці ў 1991-м адзінай дзяржаўнай мовай у Эстоніі стала эстонская — родная для трох чвэрцяў жыхароў краіны. Другая паводле папулярнасці — руская, яе носьбітамі з’яўляюцца каля 25% жыхароў.

Мова дзяржаўных органаў — эстонская, аднак на пытанне па-руску чыноўнікам рэкамендавана адказаць па-руску. Апроч таго, у муніцыпалітэтах, дзе рускае насельніцтва складае не менш за палову, дзяржаўныя і мясцовыя ўстановы павінны даваць афіцыйныя адказы на мове запыту. У краіне таксама ёсць адна акруга, дзе дэ-факта другой афіцыйнай мовай з’яўляецца шведская.

Больш за 20% эстонскіх вучняў навучаюцца ў рускамоўных школах. Аднак паводле дзяржаўнай праграмы інтэграцыі з 2007 года іх паступова прызвычайваюць да эстонскай мовы.

Найбуйнейшая газета краіны «Postimees» выдаецца па-эстонску і па-руску. Гэтаксама працуе і самы папулярны інтэрнэт-партал Delfi.ee.

На закліды рускамоўнай меншасці прэзідэнт Эстоніі Томас Ільвес, які нарадзіўся ў Швецыі, а выгадаваўся ў ЗША, адказаў так: «Ёсць 140 мільёнаў чалавек у Расіі, і ўсе яны гавораць па-руску, ёсць адзін мільён эстонцаў, і ёсць адзінае месца ў свеце, дзе вы можаце гаварыць па-эстонску».

Літва

Літва — адзіная з краінаў Балтыі, якая пазбегла моўнай праблемы ў суверэнныя гады. Напэўна, таму, што, у адрозненне ад Латвіі і Эстоніі, колькасць расійцаў у рэспубліцы нават за савецкім часам не перавышала 10%. Літоўская мова, родная

для 80% жыхароў краіны, адзіная мае статус дзяржаўнай. На ёй працуюць органы ўлады. Самыя папулярныя СМІ таксама літоўскамоўныя.

Апроч літоўскіх, у краіне дзейнічаюць і школы нацменшасцяў — рускай, польскай, беларускай, габрэйскай. Паказальна, што колькасць навучэнцаў у рускіх школах за апошнія 15 гадоў зменшылася ў тры разы, а самая папулярная замежная мова — ангельская.

Пры гэтым вялікая колькасць турыстаў з Беларусі і Расіі змушае літоўскую сферу абслугоўвання надаваць увагу рускай мове. Менавіта таму апошнім часам сярод маладога пакалення літоўцаў набірае папулярнасць вывучэнне рускай мовы як замежнай.

У шматэтнічнай Вільні нярэдка з’ява, калі маладзёны са змяшаных сем’яў адначасна валодаюць літоўскай, рускай, польскай і часам беларускай мовамі.

КРАІНЫ ЗАКАЎКАЗЗЯ

Азербайджан

У СССР Азербайджан быў адной з дзвюх саюзных рэспублік, дзе за мовай тытульнай нацыі быў канстытуцыйна замацаваны дзяржаўны статус.

Паводле ўказа 2002 года «Аб дзяржаўнай мове» ўсё справядства пераводзілася з рускай на азербайджанскую. Сёння азербайджанская

выкарыстоўваецца як асноўная ва ўсіх сферах жыцця. Ёю валодаюць больш за 96% жыхароў краіны.

12% ад агульнай колькасці тутэйшых СМІ працуюць на рускай мове. Палова з дзесяці самых папулярных інфармацыйных інтэрнэт-рэсурсаў апроч азербайджанскай маюць рускамоўную і часам англамоўную версіі. З 2009 года ўсе фільмы і тэлеперадачы на замежных мовах (за выключэннем турэцкай) у абавязковым парадку павінны дублявацца па-азербайджанску.

У Азербайджане дзейнічае каля 300 школ з выкладаннем шэрагу прадметаў на рускай мове, у 19 з іх навучанне вядзецца цалкам па-руску. Агульная колькасць вучняў, якія атрымліваюць адукацыю па-руску, сягае 15%, што роўна паказнікам 1990 года.

Арменія

Побач з дзяржаўнай армянскай мовай у краіне па-ранейшаму даволі шырока гучыць руская, якая, па сутнасці, ёсць другой мовай.

Асноўная мова дзяржаўнага апарату — армянская, але 23% дакументацыі вядзецца адначасна на дзвюх мовах, а 7% — у асноўным па-руску.

На пачатку 1990-х рускамоўныя школы ў краіне зачынілі, але з цягам часу сітуацыя змянілася, і цяпер у Арменіі дзейнічаюць 46 школ з двухмоўным выкладаннем. Руская мова з'яўляецца абавязковым прадметам і ў армянскамоўных школах, а 94% армян лічаць важным, каб іх дзеці маглі размаўляць па-руску.

На рынку СМІ багата як армянскамоўнай, гэтак і рускамоўнай прадукцыі. Пры тым, што большасць выданняў у інтэрнэце маюць сайты на дзвюх, а найчасцей і на трох мовах (яшчэ і на ангельскай). Калі на дзяржаўным тэлебачанні пераважае армянская, то на камерцыйных каналах вядоўцы навінаў і запрошаныя эксперты з ахвотай размаўляюць па-руску. Бальшыня фільмаў таксама трансляецца з рускім дубляжам.

Грузія

У Грузіі, як і ў Азербайджане, у савецкую эпоху родная мова тытульнай нацыі была дзяржаўнай. У гады незалежнасці грузінская (родная для 71% насельніцтва) толькі ўмацоўвала свае пазіцыі. Усе органы ўлады і парламент працуюць на дзяржаўнай мове, гэтаксама як і бальшыня СМІ, сфера паслуг і інш. Пры гэтым 11% жыхароў Грузіі карыстаюцца мегрэльскай і сванскай мовамі, 7% — армянскай, 6% — азербайджанскай. Больш за палову насельніцтва сцвярджае, што свабодна валодае рускай.

На моўны расклад у краіне паўплываў прыход на пасаду прэзідэнта (у 2004-м) «празаходняга» Міхаіла Саакашвілі, а таксама наступная

канфрантацыя з Расіяй, што скончылася ўзброеным канфліктам (2008). У краіне былі спынены трансляцыі расійскіх тэлеканалаў, паказ у кінатэатрах фільмаў, дубляваных на рускую мову. Сёння імпартае кіно дэманструецца альбо з грузінскім дубляжам, альбо на мове арыгінала.

Апроч таго, Саакашвілі паставіў задачу, каб праз чатыры гады ўсе маладыя людзі ва ўзросце да 24 гадоў свабодна валодалі ангельскай мовай як найбольш перспектыўнай замежнай.

Для гэтага ў Грузію запрасілі некалькі соцень выкладчыкаў ангельскай з Еўропы і Амерыкі, а таксама тысячы англамоўных маладзёнаў. У школах ангельскую цяпер вывучаюць з першага класа (раней гэтае месца займала руская). Другую замежную мову вучні абавязаны выбіраць з сёмага класа.

Разам з тым, у краіне па-ранейшаму працуе некалькі дзясяткаў «рускіх» школ і яшчэ больш — з рускамоўнымі сектарамі. Аснова вышэйшай адукацыі грузінскамоўная, аднак апроч абавязковай ангельскай студэнты могуць вывучаць рускую, азербайджанскую і іншыя мовы.

КРАІНЫ ЦЭНТРАЛЬнай АЗІ

Казахстан

Пасля паўтара стагоддзя ўціску з боку рускай мовы адраджэнне казахскай пачалося з закона 1989 года аб яе дзяржаўным статусе. Паводле Канстытуцыі, «нароўні з дзяржаўнай афіцыйна ўжываецца руская мова».

На пачатку 2000-х кіраўніцтва краіны ўзяло курс на паслядоўную «казахізацыю грамадства».

Калі ў 2000 годзе ў школах па-казахску навучалася 50,6% дзяцей, то сёння — 61%. Аднаведныя паказчыкі ў ВНУ падскочылі з 32% да 52%. Таксама некалькі адсоткаў студэнтаў цалкам навучаюцца па-ангельску.

Як вынік, за 10 гадоў колькасць грамадзян Казахстана, якія валодаюць дзяржаўнай мовай, вырасла з 40 да 70%. Без ведання дзяржаўнай мовы сёння немагчыма зрабіць кар’еру ў дзяржаўных установах і ў сферы паслуг, атрымаць адукацыйныя гранты.

Справаводства ў Казахстане вядзецца на дзвюх мовах, але доля дакументацыі на мове тытульнай нацыі несупынна расце і ўжо дасягнула 60%. На заканадаўчым узроўні разглядаецца магчымасць пераходу з кірылічнага правапісу на лацініцу.

Аднак асноўны аб’ём інфармацыі ў СМІ — на рускай мове. Расійскія фільмы і тэлеперадачы трансляюцца на мове арыгінала. Праўда, паводле новых паправак у закон, з наступнага года ўсё замежнае кіно будзе дублявацца на казахскую мову.

Што да інтэрнэту, двухмоўныя версіі ў абавязковым парадку маюць толькі рэсурсы дзяржструктур. Казахскую мову падтрымліваюць многія навінавыя парталы, СМІ і інфармацыйныя агенствы. Пры гэтым усе забаўляльныя і камерцыйныя пляцоўкі існуюць толькі ў рускамоўнай версіі.

Таджыкістан

У Таджыкістане мова тытульнай нацыі стаіць на больш моцных пазіцыях, чым у Казахстане. Руская (родная для 1,5% насельніцтва) з’яўляецца мовай міжнацыянальных зносін.

Дзве з чатырох урадавых агульнанацыянальных газет выходзяць па-таджыкску, адна па-руску і адна па-ўзбекску. На тэлевізіі пераважае таджыцкая, аднак рускамоўныя фільмы дэманструюцца без перакладу.

Усе школы таджыцкамоўныя. На вывучэнне рускай мовы адводзіцца 8 гадзін у тыдзень, англійскай — 4 гадзіны. У ВНУ усе студэнты размеркаваныя на дзве групы: у адной лекцыі чытаюцца па-таджыкску, у другой — па-руску.

У 2009 годзе ў Таджыкістане быў прыняты новы Закон «Аб дзяржаўнай мове», у адпаведнасці з якім усё справаводства было пераведзена з рускай мовы на таджыцкую.

Кыргызстан

Да 2000 года адзінай дзяржаўнай мовай у краіне была кіргізская, руская ж фактычна мела статус мовы міжнацыянальных зносін. Аднак, каб утрымаць адток некаарэнага насельніцтва з краіны, кіргізы замацавалі за рускай статус афіцыйнай мовы, якая можа выкарыстоўвацца ў працы

органаў улады і абавязковая для вывучэння ў школах і ВНУ. Пры гэтым першасная роля ва ўсіх сферах, падкантрольных дзяржаве, надаецца менавіта кіргізскай мове.

Што да насельніцтва, паводле розных ацэнак, больш за палову жыхароў Кыргызстана (у асноўным — гарадское насельніцтва) выкарыстоўвае рускую мову, якая да апошняга часу першынявала ў дзелавых і палітычных стасунках. Пасля «каляровых рэвалюцый» апошніх пяці гадоў роля і прэстыж кіргізскай выраслі. Напрыклад, яна стала асноўнай мовай парламента.

Цікава, што няведанне чалавекам дзяржаўнай ці афіцыйнай моў не ёсць перашкодай: дзяржава забяспечвае адпаведны пераклад уласнымі коштам.

Туркменістан

Яшчэ ў 1992 годзе Канстытуцыя Туркменістана надала туркменскай мове статус адзінай дзяржаўнай.

За часам уладарання Сапармурата Ніязава, больш вядомага як Туркменбашы, Туркменістан узяў курс на скарачэнне ўжытку рускай мовы (родная для 6–10% жыхароў краіны) ва ўсіх сферах. Быў забаронены ўвоз у краіну расійскіх газет і часопісаў, абмежавана (да дзвюх гадзінаў штодня) расійскае тэлевяшчанне, спынена рэтрансляцыя радыёперадачаў. Туркменскую мову перавялі з кірыліцы на лацінцу.

Калі ў 2001 годзе ў Туркменістане дзейнічалі 49 школ з поўным і 56 з частковым выкладаннем на рускай мове, то сёння на ўсю краіну засталіся адна рускамоўная гімназія і некалькі дзясяткаў школ з адным рускамоўным класам у кожнай. У ВНУ выкладанне вядзецца выключна па-туркменску.

Пасля смерці Туркменбашы новы прэзідэнт Гурбангулы Бердымухамедаў распачаў пэўную лібералізацыю ў розных сферах грамадска-палітычнага жыцця, заявіўшы, што ў сістэме адукацыі будзе абавязковым вывучэнне трох моў — туркменскай, рускай і ангельскай.

Яшчэ для 9% жыхароў Туркменістана роднай мовай ёсць узбекская.

Узбекістан

Узбекская мова — дзяржаўная, руская — мова міжнацыянальных зносінаў. Паводле афіцыйнай статыстыкі, руская мова з'яўляецца роднай для

14% насельніцтва, а свабодна ёю валодаюць больш за палову жыхароў краіны. Аднак такая статыстыка атрымліваецца ў асноўным за кошт Ташкента і іншых буйных гарадоў. У Бухары і Самаркандзе, дзе пражываюць даволі шмат таджыкаў (паводле розных даных, ад 5 да 25% ад агульнага насельніцтва), распаўсюджана таджыкская мова.

Афіцыйна амаль усе органы ўлады вядуць справядства і прымаюць звароты на абедзвюх мовах. Аднак паказальна, што ўсе дакументы ў

Photo.bymedia.net

Photo.bymedia.net

апараце прэзідэнта спачатку пішуцца па-руску, а пасля зацвярджэння перакладаюцца на ўзбекскую.

У СМІ мовы ніколі не мяшаюць. Прэса пераважна рускамоўная. Узбекскамоўныя СМІ ў асноўным забаўляльнага характару. Нароўні з узбекскамоўнымі ў краіне рэтрансляюцца расійскія тэлеканалы. У інтэрнэце суадносіны навінаў на рускай і ўзбекскай — 80 да 20.

Журналісты распавядаюць, што амаль усе навіны спачатку пішуцца па-руску і толькі потым перакладаюцца на ўзбекскую. Пры прыёме на працу таксама аддаецца перавага тым, хто вучыўся ў рускамоўных школах.

Выкладанне на таджыкскай мове ўвогуле забаронена.

ЭКСПЕРТ: «Чым менш рускомоўных, тым спакайнейшая сітуацыя»

Прааналізаваць сухую факталогію моўнага пытання ў колішніх савецкіх рэспубліках пагадзілася аўтарытэтны спецыяліст па нацыянальна-моўных стасунках, доктар філалагічных навук, прафесар Белдзяржуніверсітэта Ніна МЯЧКОЎСКАЯ.

— Ніна Барысаўна, у якіх краінах пасля распаду СССР стан нацыянальнай мовы змяніўся найбольш і дзе найменш?

— Ва ўсіх новых незалежных дзяржавах, што ўзніклі пасля распаду СССР, за выключэннем Беларусі, зменшылася прысутнасць рускай мовы. Найперш таму, што паўсюль (у тым ліку і ў Беларусі) вярхоўная ўлада перастала быць саюзнай (маскоўскай, крамлёўскай).

У дзяржавах Цэнтральнай Азіі, Казахстане, а таксама ў Закаўказзі да скарачэння прысутнасці рускай мовы прывёў масавы, шматмільённы адток рускамоўнага насельніцтва. Найчасцей людзі не бачылі жыццёвых перспектыв для сваіх рускамоўных дзяцей. Аднак у кожнай краіне ў гэтых рэгіёнах нацыянальна-моўная сітуацыя мае свае асаблівасці.

Адна рэч — Казахстан і Кыргызстан (хоць і тут дзве розныя карціны). Іншая справа — найбяднейшы ў СНД Таджыкістан. Асобны выпадак — Узбекістан з Ташкентам, пра які ў 1980-х спявалі: «Сияй, Ташкент, звезда Востока», — і які дагэтуль застаецца горадам студэнтаў, а прэзідэнт Узбекістана, былы першы сакратар ЦК Кампартыі, заўважна лепш гаворыць па-руску, чым па-ўзбекску...

Што да адтоку рускамоўнага насельніцтва, то з Грузіі, Арменіі і Азербайджана з'язджалі меней, але там і за саветаў працэнт рускамоўных быў значна меншы, чым у рэспубліках Цэнтральнай Азіі і ў Казахстане. З краін Балты рускамоўныя амаль не з'язджалі (апроч сем'яў некаторых адстаўных афіцэраў). Пагромаў там не асцерагаліся, а ў такім разе хто ж паедзе з наседжанага месца, дзе ўзровень жыцця і побытавай культуры вышэй, чым у Расіі?

З Украіны і Беларусі рускамоўныя таксама не з'язджалі, а наадварот, даўнія перасяленцы з

Казахстана або Кыргызстана вярталіся на землі сваіх дзядоў.

— Ці ва ўсіх маладых незалежных краінах мова была прыярытэтам нацыянальнага адраджэння?

— Вядома, не. Гэта фантазія — бачыць у мове прыярытэт нацыянальнага адраджэння. Галоўная задача нацыянальнага руху — стварыць сваю дзяржаву і быць гаспадаром у сваёй хаце, працаваць на сябе, а не на дзядзьку-імперца, якому ўвесь час нешта трэба ці то на Кубе з Афрыкай, ці то яшчэ дзе. Дамагчыся рэальнага, гэта значыць, эканамічнага суверэнітэту — уключыцца ў сістэму міжнароднага падзелу працы і быць плацежодольным партнёрам. Тады і будуць паважаць. Гэта і ёсць суверэнітэт.

— У якіх з краін СНД моўнае пытанне сёння стаіць найбольш востра?

— У падтэксе вашага пытання бачыцца супрацьпастаўленне рускай і нярускіх моў. Аднак у рэальнасці ў СНД моўны канфлікт можа быць звязаны зусім не з рускай мовай. Наогул сур'ёзны канфлікт, што дайшоў да кровапраліцця, толькі на паверхні здаецца моўным, а па сутнасці ён мае нацыянальны або рэлігійна-нацыянальны характар.

Так было, напрыклад, у кіргізаў — і пры распадзе СССР, і падчас «каляровых рэвалюцый», калі ў 2005-м зрынулі першага прэзідэнта, а праз пяць гадоў — другога. Кіргізы складаюць 71% насельніцтва краіны. Другі па колькасці народ — узбекі, таксама не прышлае, а карэннае насельніцтва краіны. Іх больш за 14%. Абодва народы вызнаюць іслам, але ўзбекі, у адрозненне ад кіргізаў, больш радыкальныя мусульмане. З часу падзення СССР і пры ўсіх наступных пераваротах супрацьстаянне кіргізаў і ўзбекаў абвастралася

да паграмаў і ўзброеных сутыкненняў са шматлікімі ахвярамі.

Рускамоўныя ў Кыргызстане складаюць менш за 9%, але руская здаўна выкарыстоўвалася тут як даступная ўсім мова-пасярэдніца, бо дыялекты кіргізкай настолькі разышліся, што цяпер шмат каму з карэнных жыхароў малазразумелыя. Да таго ж каля 7% насельніцтва Кыргызстана — гэта яшчэ некалькі разнамоўных народнасцяў, у тым ліку такіх далёкіх для кіргізаў і ўзбекаў па мове, як дунгане ці карэйцы.

З улікам пасярэдніцкай ролі рускай мовы, а з іншага боку, каб утрымаць ад эміграцыі рускамоўнае насельніцтва (як правіла, гэта спецыялісты), у 2001 годзе ў Канстытуцыі Кыргызстана рускай быў нададзены статус афіцыйнай мовы.

Дадам, што ў гісторыі моўных сітуацый у былых калоніях ужо назіраліся падобныя пасярэдніцкая роля і нейтральнасць у міжэтнічных канфліктах, як зараз у рускай мовы. З распадам сусветнай каланіяльнай сістэмы ў большасці ранейшых калоній (а гэта, як правіла, краіны з многімі этнасамі і мовамі) пасля сыходу каланізатараў іх мовы (ангельская, іспанская, французская, партугальская) не толькі захаваліся, але і сталі выкарыстоўвацца больш шырока і больш «добраахвотна». У непазбежных міжэтнічных «разборках» перавага былых каланіяльных моў выявілася ў іх «нічыйнасці».

Падкрэслю, што кажу толькі пра сённяшняю запатрабаванасць рускай мовы ў Цэнтральнай Азіі ў якасці нейтральнай пасярэдніцы ў міжнацыянальных зносінах. Аднак не варта думаць, што яна застанеца там надоўга, як ангельская ў Індыі, французская ў Конга (у тым, дзе сталіца Бразавіль) ці ў Тунісе альбо іспанская ў Мексіцы ці партугальская ў Бразіліі.

— Дзе ж моўных праблем зусім няма?

— Поўнага штылю нідзе няма. Але ў дачыненні да рускай мовы назіраецца наступная заканамернасць. Чым меншы працэнт рускамоўных, тым спакойнейшая сітуацыя, і наадварот.

У тым жа Кыргызстане рускамоўных 9%, і шанцаў у рускай мовы доўга канкураваць з кіргізкай мала. У 16-мільённай і ўнітарнай Казахстане іншая карціна. Рускіх там каля 24%, казахаў — 63%, усяго ж розных народаў — больш за 100. Пры гэтым руская з'яўляецца асноўнай мовай для многіх казахаў, а таксама прадстаўнікоў іншых народаў. Калі б не талерантнасць прэзідэнта Назарбаева ў нацыянальнай палітыцы, саперніцтва рускай і казахскай моў магло б быць моцным.

Падобныя адрозненні можна назіраць паміж Літвой і Латвіяй. Літоўская мова ў Літве родная для 80% грамадзян, а ў Латвіі ўжо рускую лічаць роднай 37,5% насельніцтва. Прычым у

двух найбуйнейшых гарадах краіны (Рызе і Даўгаўпілсе) менавіта руская родная для большасці жыхароў. Аднак, у Латвіі востра стаіць нацыянальна-моўнае пытанне. І справа не ў канкрэтным прэзідэнце і ягонай палітыцы, а ў тым, якую сітуацыю ён заспявае. У Латвіі сітуацыя самая праблемная, і на гэта ёсць гістарычныя прычыны.

Яшчэ савецкія перапісы сведчылі пра трывожнае зніжэнне колькасці латышоў датычна ўсяго насельніцтва Латвіі (у адрозненне ад Літвы і Эстоніі). Гэта было звязана з асаблівасцямі сацыяльна-эканамічнага развіцця рэспублікі: у Латвіі было больш буйных партоў, заводаў ваенна-прамысловага комплексу, ваенных баз. У Рызе базаваліся штаб Прыбалтыйскай ваеннай акругі, шэраг ваенных вучэльняў і ВНУ. У паваеннай Латвіі працавалі тысячы людзей, якія прыехалі сюды з розных рэгіёнаў Саюза.

Пасля распаду СССР рускамоўнае насельніцтва Латвіі застаецца не толькі шматлікім, але і сацыяльна паспяховым. Бізнес Латвіі пераважна рускамоўны. Як выказаўся адзін рыжскі журналіст, ёсць небяспека, што капітанамі карабля «Латвія» будуць не латышы. У гэтым палягаюць прычыны канфліктаў што да канкурэнцыі паміж мовамі навучання ў латышскіх рускамоўных школах.

— Моўная палітыка ў якой з былых савецкіх рэспублік была, на ваш погляд, найбольш разумная і паслядоўная?

— Лёгка быць разумным і паслядоўным там, дзе сітуацыя простая. Напрыклад, 98% жыхароў Арменіі — армяне. Гэта самая этнічна аднародная краіна ў СНД. Значна больш складана вырашаць нацыянальна-моўныя пытанні ў Грузіі. Там ніколі не было праблем з рускай мовай, бо колькасць рускіх ніколі не перавышала 1,5%. Але ў грузінаў былі велізарныя праблемы са сваімі аўтаноміямі (Абхазіяй і Паўднёвай Асеціяй), што і прывяло да некалькіх узброеных канфліктаў.

Таму, калі на Каўказе ліецца кроў, рыжскія мідынгі наконт ужывання латышскай або рускай моў здаюцца гульнямі. Насамрэч, канечне, гэта таксама не гульні — проста кардынальна розныя сітуацыі.

— Нядаўна калега з Узбекістана такім чынам абмяляваў іх моўную сітуацыю: «Тыя, хто размаўляе па-руску, і тыя, хто па-ўзбекску, — два розныя народы са сваім менталітэтам. Традыцыйна ўзровень адукацыі і мысленне горш ва ўзбекаў». Ці сапраўды можна ставіць узровень мыслення ў залежнасць ад мовы?

— Уменне разумець, а лепш і размаўляць, а яшчэ лепш — свабодна размаўляць на абедзвюх мовах свайго горада, штата ці краіны — больш выйгрышнае для чалавека. І справа не толькі ў

свабодзе, лёгкасці кантактавання з навакольнымі. Бо чалавек разумее не толькі мову, у нейкай ступені ён становіцца бліжэй і да культуры народа, што размаўляе на гэтай мове. Параўнайце хоць бы школьны досвед вывучэння замежнай мовы: хто вучыць французскую, ведае пра Францыю больш і ставіцца да яе з большай сімпатыяй, чым той, хто вучыць нямецкую. І наадварот.

Зразумела, свядомасць чалавека, які не ў стане выйсці за межы адной-адзінай мовы, — бяднейшая, павольнейшая і не такая гнуткая, пры іншых роўных умовах, чым свядомасць двухмоўнага чалавека. Але вы ведаеце, лёгка сказаць: «пры іншых роўных умовах». Насамрэч, пры характарыстыцы свядомасці ці менталітэту нават двух чалавек, не кажучы пра групы, «іншых роўных умоў» не бывае.

— У якой з экс-рэспублік СССР моўная сітуацыя найбольш падобная да беларускай?

— Ва Украіне (за выняткам Заходняй Украіны). Ва ўкраінскіх гарадах руская мова пераважае ў паўсядзённых (неафіцыйных) зносінах людзей, у самых папулярных тэлепраграмах і найбольш тыражных газетах, у самых прадавальных кнігах, у інтэрнэце...

— Кожны крок, накіраваны на развіццё нацыянальнай мовы ў былых савецкіх рэспубліках, успрымаецца Расіяй ды расійцамі як замах на рускую мову і ўціск правоў рускамоўнага насельніцтва. Наколькі справядлівыя падобныя закіды?

— Не трэба перабольшваць. У агромністай Расіі большасць рускіх людзей не цікавіць, што робіцца ў былых савецкіх рэспубліках. Ніхто, акрамя прафесіяналаў, не адсочвае моўную сітуацыю ў былых суседзяў па савецкім інтэрнэце.

Дзякаваць Богу (або Гарбачову), «пятнаццаць савецкіх рэспублік-сёстраў» разышліся па нацыянальных кватэрах. Так, у рускіх людзей у Расіі ўсё яшчэ моцная імперская свядомасць. Недарма яшчэ Аляксандр II называў рускіх «дзяржаўным народам». Аднак праз 100 гадоў іншы ўплывоў рускі чалавек, Аляксандр Салжаніцын, заклікаў рускіх людзей заняцца ўладкаваннем уласнага жыцця і дома, а не перабудовай свету, што, як выявілася, сабе на шкоду. Чым далей, тым усё больш рускіх людзей прыходзяць да такіх самых думак.

Часам, праўда, маскоўскія тэлежурналісты пакажуць які-небудзь абсурдысцкі і здзеклівы сюжэцік, кшталту таго, што ва ўкраінскіх школах вучаць не рускай мове, а жаргонам. У пацверджанне дэманструецца старонка падручніка з прыкладамі слоў з арга, але пры гэтым гледачам не паказваюць, што на той самай старонцы аргатызм супрацьпастаўляюцца правільныя словы.

— Ці існуе залежнасць паміж развіццём у былых савецкіх рэспубліках нацыянальнай мовы і ступенню засваення замежных?

— У СНД замежныя мовы канкуруюць найперш з рускай: чым шырэй чалавек выкарыстоўвае ангельскую (у спецыялізаванай літаратуры, у інтэрнэце, выбіраючы тэлеканалы), тым менш ён мае патрэбу ў рускай. Што да асноўнай мовы сваёй краіны, то яна застаецца сродкам, так бы мовіць, мясцовай камунікацыі. Гэта важная частка інтарэсаў чалавека.

Мясцоваму тэлебачанню маленькай краіны — і ў СНД, і паўсюль — ніколі не дагнаць па якасці рэпартажы транснацыянальных тэлекампаній ці кантэнт міжнародных вытворцаў. Але сіла мясцовага — менавіта ў добрым веданні праблем і інтарэсаў свайго гледача і ва ўменні адказаць на лакальныя запыты.

— Ці можна сцвярджаць, што распад СССР пазітыўна паўплываў на станаўленне і развіццё нацыянальных моў у былых рэспубліках?

— Канечне, у тым ліку і ў Беларусі. Важна, што руская — гэта больш не мова цэнтральнай, агульнасаюзнай улады, імперыі, у якой мы былі толькі адной з яе «нацыянальных ускраін». Але ёсць іншыя фактары, важкасць якіх расце на вачах і якія ва ўсім свеце павялічваюць аб'ём камунікацыі на сусветных мовах (а руская — адна з шасці сусветных моў). Гэта развіццё інфармацыйных тэхналогій.

Прывяду толькі дзве пары лічбаў што да Беларусі. Напярэдадні развалу СССР 20% кніг, перыёдыкі, тэле- і радыёпраграм ствараліся ў БССР (на беларускай і рускай мовах). Астатнія 80% кантэнт імпартаваліся ў асноўным з Расіі (уключна з расійскімі перакладамі замежнага кантэнт). Сёння, паводле ацэнак стваральніка інтэрнэт-партала TUT.BY Юрыя Зісера, інфармацыя, генараваная ў Байнэце, складае ўсяго 6%. Астатнія 94% — гэта кантэнт, які робіцца ў Расіі ці на Захадзе. Было 20% уласнага кантэнт, а стала 6%. Гэта і ёсць глабалізацыя, хоць, зразумела, яшчэ далёка не ўся.

Научим и научимся?

Министерство образования, судя по всему, задумало новую реформу. В белорусские университеты указано привлекать больше иностранцев, подчеркнуто: в том числе из европейских стран. Количество собственных заочников планируется сократить на две трети. Почему-то жаль и иностранцев, и наших.

Александр Козулин, бывший ректор Белгос-университета и оппонировавший властям политик, согласился проанализировать, почему. А еще и рассказать о своем видении роли журналистов в воспитании общества.

— Вы были ректором «ведущего вуза страны», как упорно называют БГУ, и сейчас, судя по всему, в курсе состояния дел в системе, которой отдали столько сил и времени. Какие страны присылают к нам студентов? Откуда молодые люди добровольно едут, чтобы получить образование в Беларуси?

— На возможность получить образование в Беларуси реагирует прежде всего азиатский рынок. Европейцев к нам едет мало и по специальностям очень узкого профиля — как правило, связанным с культурно-историческим аспектом. Желающих обучаться естественным наукам практически не бывает.

Для европейцев наши вузы не могут быть привлекательными по одной простой причине:

Беларусь не является участником Болонского процесса, не входит в систему европейского образования.

— То есть диплом, полученный в Беларуси, потом в Европе не признают?

— Конечно, но дело не только в этом. Болонский процесс предполагает студенческую мобильность, его основная задача — дать возможность студентам разных европейских стран перемещаться, обучаясь в разных университетах. Учился, например, студент во Франции, но возникла необходимость или просто интерес продолжить образование в иной стране — можно переезжать спокойно, нет проблем с продолжением обучения.

Наша система образования не адаптирована к европейской, наши «зачетки» и дипломы в Европе не признаются безусловно. Выпускники наших университетов, попадая в Европу, вынуждены что-то досдавать, пересдавать и подтверждать, чтобы получить соответствующую квалификацию.

— *Есть легенда о качестве советского образования. Наши чиновники намекают и в открытую говорят, что из всех постсоветских стран Беларусь лучше всех сохранила качество обучения и профессиональной подготовки. И потому привлекательна для тех, кто «в Европы» не доедет из Узбекистана, Туркменистана...*

— Студенты из Туркмении у нас есть. Вот они-то есть.

Мы осознанно себя самоизолировали. Хотя в 2000 году Совет Министров принял решение, что Белорусский государственный университет в качестве эксперимента переходит на европейскую систему образования. И у нас в БГУ в 2004 году уже был первый выпуск бакалавров, а в 2006-м выпуск магистров должен был состояться и переход на кредитную систему обучения, как в Европе.

Если бы это осуществилось, то вся белорусская система образования по примеру БГУ, по его стандартам-наработкам пусть постепенно, но адаптировалась бы к новым требованиям. И достаточно спокойно, эволюционно наши университеты «вписались» бы в рамки европейских стандартов.

Но ректор ушел...

— *Да, ректор Козулин ушел, да еще и занялся политикой. Из-за Вас, выходит, Беларусь не присоединилась к Болонскому процессу?*

— Тут трудно сказать однозначно. Но факт остается фактом: после моего ухода с поста ректора этот процесс был прекращен. Хотя упомянутое постановление Совета Министров официально не было отменено. И путаница с бакалаврами, магистрами остается до сих пор.

Мы реставрировали советское прошлое и старую систему образования. Не будем спорить, хорошей она была или плохой, — она соответствовала своему времени. А новое время выдвигает новые требования и новые условия. Мы отказались от возможности двигаться дальше.

И Беларусь, с точки зрения возможностей для желающих получить знания, оказалась отгороженной от европейской цивилизации. Знаете, как «остров невезения в океане есть»: получая здесь образование, молодежь с ним не может двигаться дальше.

— *Но в последнее время чиновники из Минобразования демонстрируют готовность присоединиться к Болонскому процессу. Правда, высказывания звучат разные: одни утверждают, что «почти готовы», другие — что у нас и так все в полном соответствии с принятой в Европе системой, только, мол, формальности остались. Как на самом деле?*

— Заявляя сегодня о том, что хотелось бы, чиновники волей-неволей признают, что, простите, наломали дров. Переход на многоуровневую

систему образования — это очень серьезный труд и очень серьезная подготовка. В БГУ мы к этому шли в свое время четыре года и начинали эксперимент, когда, естественно, не полностью, но процентов на 60 была готова база: учебные программы, учебники, методологические разработки. Ведь такой переход требует еще и изменения психологии, ментальности не только студентов, но в первую очередь преподавателей.

Впрочем, по большому счету, начинать надо не с университетов... А вспомните наш остановленный эксперимент с реформой средней школы! Подготовка к этой реформе, оставшейся «экспериментом», длилась около пяти лет, потом десять лет переходили к 12-летке, и фактически оставалось только завершить этот цикл реформирования. И одним росчерком пера все просто отменили!..

Признание ошибок должно быть не декларативным, требуется анализ, что и как было сделано, что разрушено, что повернуто вспять. Остановленный процесс (любой!) оборачивается иной стороной медали — вместо развития идет регресс, это слишком очевидно с точки зрения естественных законов.

Система образования, конечно, консервативна, она настороженно относится к переменам. Но перемены в этой системе влияют на все общество. И подходить к ним схоластически, мягко говоря, не по-государственному. Это подрыв фундаментальных основ белорусского общества и белорусской государственности.

Надо увидеть, что сегодня является мотивацией для получения образования. Надо честно оценить, насколько сегодня наша система образования соответствует вызовам времени.

— *Да, время требует умных и подготовленных. В Поставском районе недавно я была в коровнике, напичканном электроникой, — там на смене работают операторы с высшим образованием. Почему тогда наши чиновники поставили задачу избавиться от огромного числа заочников — оставить от нынешнего количества одну треть?*

— Сегодня образование почти полностью становится платным, а в университеты берут практически всех, кто туда хочет попасть. И это серьезно подрывает суть образования. Потому что общество вряд ли получит путного специалиста, когда в университет идет человек с очень низкими баллами, полученными во время тестирования школьной программы.

— *А из-за рубежа к нам приходят подготовленные? Или, может, иностранные студенты нынче нужны просто потому, что платят за учебу в твердой валюте, а наши заочники своими вложенными в оплату образования белорусскими*

миллионами только вынуждают содержать большой штат преподавателей?

— К нам достаточно большое количество иностранных студентов, в первую очередь китайских, приходят учиться, не владея русским языком. Многие за годы учебы осваивают русский только на уровне бытового общения. Но посещают и слушают лекции. Не знаю, каким образом при этом им здесь дается образование и что получается «на выходе». Разве что наши договоры и контракты в образовательной сфере «выполняются» только тем, что мы даем им дипломы...

Речь ведь не только о качестве материала, из которого берем, что-то вылепить. Но и об угрозе профессионализму тех, кому надлежит «лепить». Чем ниже планка — тем ниже требования...

К слову, ряд ректоров спокойно относится к поставленной задаче насытить дипломами рынок, готовый платить. Мол, это нормально в условиях реального прагматизма.

— Вы сейчас находите применение своим профессорским знаниям? Вас приглашают читать лекции?

— В Беларуси — нет. У нас ведь человек, выступающий против идеологии властей да еще говорящий об этом вслух, награждается «черной меткой». Это касается не только меня — большого количества людей. После недавних событий из школ и университетов власти изгнали новую «порцию» учителей, доцентов, тех, кто хотел и пытался выразить свое мнение, отличное от государственно-идеологического. Но ведь процесс развития общества остановить указами, приказами или «черными метками» невозможно.

— А как Вы относитесь к идеологизации образования?

— Для меня идеологизация и образования, и общества выглядит чем-то противоестественным. Когда мы заранее, заведомо вгоняем человека в некую колею и утверждаем, что эта колея — единственная и правильная, мы ограничиваем кругозор мышления человека и потенциал его возможностей. Силой заставляя идти по кем-то обозначенному пути, мы противоречим естественным законам природы, мироздания. Это грозит неприятными последствиями — снижением интеллектуально-культурного и духовного уровней развития общества. Снижением общественных требований, в том числе и к представителям Вашей профессии.

— Вот с этого места, если можно, подробнее...

— Многое из того, что происходит в независимой журналистике, является в определенной степени зеркальным отражением того, что делается во власти. Стереотипы, которые сегодня

накопились, бывает, очень сильно довлеют даже над очень хорошими журналистами. Да еще уровень общего кругозора и отношение к профессиональной этике... Видят ли эти проблемы наши журналисты? Ощущают ли, как важно незамедлительно искать решение? Ведь когда придут новые времена, надо будет уметь жить по-новому. Думают ли сегодня сами журналисты об этом? Готовы ли действовать согласно профессиональному кодексу чести, который столь же важен для общества, как клятва Гиппократова?

Ведь журналисты способны не только лечить и вскрывать язвы окружающей действительности, но могут усугублять болезни и пороки общества. Показать «жареное», «горячее», «гниющее» и т. п. для привлечения внимания к проблеме, может, и неплохо. Но мы часто не думаем о цели и последствиях. О том, как информационная волна воздействует на души, сердца, умы. И к чему готовит, чему учит, куда влечет. Одно дело — заставляет думать. Другое — формирует среду вражды, злобы.

Когда журналист не думает об этом, мне кажется, он не знает не только того, в чем смысл избранной им профессиональной деятельности, но и какова цель его земного человеческого бытия.

Можно, конечно, работать, чтобы больше работать. Можно работать для того, чтобы журналистика являлась двигателем общественного прогресса. Что делать и как, зависит от критериев, предъявляемых к профессии и ее носителю.

Мне очень хочется, чтобы эти критерии уже сейчас были предметом обсуждения в вашей журналистской среде. Чтобы, когда придет новое время, мы не думали, как нам себя вести, а точно знали, как нельзя себя вести, как невозможно себя вести с точки зрения профессиональной и человеческой этики. И прежде чем и у нас журналистика станет четвертой ветвью власти, хорошо бы появиться профессионалам, знающим, что это — не только большие возможности и свобода, но и очень большая ответственность.

Беседовала Татьяна Мельничук

«Увага!

Гэты артыкул утрымлівае неправараную інфармацыю з Вікіпедыі»

Многія газетныя артыкулы, сцягнутыя з інтэрнэта альбо напісаныя на замову, заслугоўваюць адпаведнай пазнакі. Каб засцерагчы чытачоў ад несумленнай журналістыкі, брытанскі блогер Том Скот прыдумаў цікавы спосаб, варты пераймання ў беларускіх рэаліях. Хаця б у межах ініцыяванай БАЗ медыякампаніі «За якасную журналістыку».

Хрысціна Марчук,
спецыяльна для «А»

«Для мяне дзіўна, што ў СМІ акуратна пазначаюць артыкулы, у якіх гаворыцца пра секс, гвалт альбо ўтрымліваецца ненарматыўная лексіка. Але няма ніякай сістэмы паметак для неахайнай журналістыкі і іншых сумнеўных публікацый», — піша ў сваім блогу Том Скот. Неабякавы да якасці газет брытанец вырашыў па-свойму ліквідаваць гэту недарэчнасць.

«Увага! Гэты артыкул — цалкам скапіраваны прэс-рэліз», «Увага! Журналіст не разумее, пра што піша», «Увага! Гэты артыкул утрымлівае неправараную інфармацыю з Вікіпедыі» — так Том Скот падпісаў налесткі і расклеіў іх на старонках газет, што бясплатна распаўсюджваюцца ў лонданскім метро.

«Я не выношу прысуд канкрэтным артыкулам ці аўтарам. Я нават не думаю, што мае налесткі зменяць свет. Я толькі хацеў трохі пасмяяцца з нядбайнай працы журналістаў», — гаворыць Том Скот.

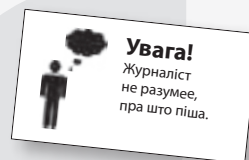
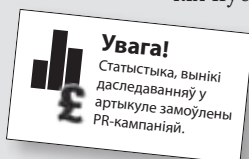
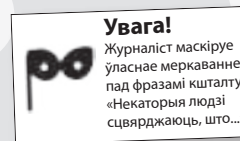
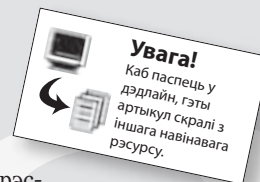
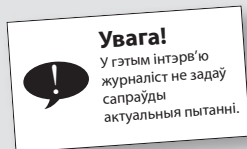
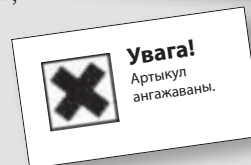
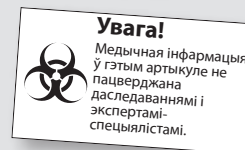
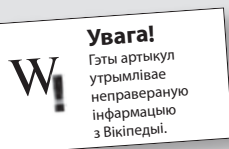
Блогеру не падабаецца чытаць прэсу, на старонкі якой усё часцей і часцей трапляюць «даследаванні», замоўленыя PR-кампаніямі. А журналісты ці то лянуюцца, ці то проста не хочуць пацвярджаць гэтыя звесткі.

«Я не ведаю, чым газеты будуць запаўняць свае палосы без прэс-рэлізаў піяршчыкаў!» — абурецца Том.

Ён смяецца з папулярнага англійскага штодзённіка «Daily Mail». Карэспандэнты выдання не пераймаюцца меркаваннямі медыцынскіх экспертаў і без лішніх клопатаў, звязаных з праваркай інфармацыі, друкуюць артыкулы пра незвычайныя спосабы лекавання раку, напрыклад, пішуць пра нейкія гаючыя крышталі.

«Каб паспець да дэдлайна, журналісты проста капіруюць інфармацыю з Вікіпедыі альбо іншых крыніц. У розных газетах і сайтах я бачыў некалькі такіх публікацый. Было б добра, каб журналісты заўжды звярталіся да экспертаў, перш чым выдаць сенсацыйны загаловак», — лічыць Скот.

Макет налесткі Том змясціў у сваім блогу tomscott.com. Ідэя стала папулярнай сярод ягоных наведвальнікаў, якія пераклалі надпісы на 16 моваў свету. Мы ж прапануем дарыць сваім чытачам налесткі-папярэджанні па-беларуску. Мяркуем, іх можна скарыстаць, напрыклад, у школах маладога журналіста, на факультэтах журналістыкі, падчас планёрака у рэдакцыі, калі вы ацэньваеце як сваю ўласную працу, гэтак і дзейнасць сваіх калег.

Майстэрня Вячаслава Дубінкі

У пазамінулым нумары нашага часопіса мы ўжо распавядалі пра асобу і творчасць Вячаслава Дубінкі, які заўчасна памёр у жніўні мінулага года. Сёння ў чытачоў «Абазура» ёсць магчымасць пазнаёміцца яшчэ з адной нізкай «карацелек» — своеасаблівага жанру на мяжы журналістыкі і літаратуры. І не толькі пазнаёміцца, але і прыгледзецца да прафесійных захадаў майстра, павучыцца трапнасці яго позірку, глыбіні думкі і выразнасці мовы. Менавіта пра гэта мы прапанавалі паразважаць ягонаму сябру, журналісту Сяргею ВАГАНАВУ:

— Сярод маіх сяброў і калег па журналістыцы я не ведаю і не ведаў аніводнага, да якога так падыходзіла б слова «майстар», дакладней, «майстра», як любіў гаварыць сам Слава. Ніколі не забуду, як ехалі мы ў Вільнюс на I з'езд БНФ. Апроч нас у аўто былі яшчэ журналісты, а нату-

ральна ўзначальваў гэтую, так бы мовіць, экспедыцыю не абы-хто — сам Рыгор Барадулін. Амаль усю дарогу, не спыняючыся, Рыгор Іванавіч распавядаў розныя смешныя гісторыі, анекдоты, усе рагаталі... У нейкі момант я заўважыў, што толькі Слава не адгукаецца, сядзіць цішком, нібыта яго ў машыне няма. Трохі рызыкуючы, я адарваў позірк ад дарогі... З цёплай усмешкай, без якой, дарэчы, я ніколі не ўяўляў свайго сябра, ён, анічога, упэўнены, не губляючы з падарожных размоў, вялізнымі кравецкімі нажніцамі выразаў з паперы чарговую трапяткую выцінанку...

Я нездарма ўзгадаў яго знакамітыя выцінанкі. Калі пільна прыгледзецца да іх, а потым таксама ўважліва чытаць карацелькі, можна пабачыць, як яны падобныя сваімі мастацкімі якасцямі. Інакш кажучы, яго карацелькі — гэта выцінанкі ў прозе. Толькі замест нажніц — пяро, а замест паперы — мова. Родную мову Слава не проста ведаў, нават не проста чуў — ён быў яе створца і вынаходнік. Тут не трэба шматслоўных доказаў. Дастаткова нагадаць, як цягнік у адной з карацелек не «прышоў» з Асіповіч, нават не «прыпоўз», а «прысоп»... І адразу вымаляваецца не толькі цягнік, але і яго мітуслівае насельніцтва, вы адчуваеце пах чыгункі, вуголля, чуеце ляск жалезных колаў і цяжкае, стомленае вухканне пары...

Зразумела, журналістыка — гэта не мастацкая проза. Але мы нямаю губляем праз тое, што часцяком грэбуем дакладным словам і мастацкай формай выказвання думкі.

Калі чытаеш Славіны карацелькі, не цяжка заўважыць, што гэта не зацемкі з дзённіка і не нататкі ўвогуле. Апавяданнямі ў звыклым сэнсе іх таксама назваць нельга. Між тым, гэта сапраўднае майстэрства — у сціслых радках, праз будзённыя, на першы погляд, жыццёвыя здарэнні і сюжэты данесці да чытача душэўныя пачуцці, паказаць адметныя рысы людскіх характараў і праз гэта — гісторыю краіны. Мне падаецца, што такое майстэрства, трапнасць і лаканічнасць нараджаюцца не толькі з жыццёвага і прафесійнага досведу, але перш-наперш са стаўлення да чалавечай асобы і шчырай цікавасці да жыцця.

...Слова «майстэрня» было ці не самым любімым Славіным словам. «Буду ў майстэрні», «калі ты, нарэшце, завітаеш да мяне ў майстэрню», «заходзь у майстэрню, пагамонім»... Той утульны падвал — адзінае, што засталася некрунутым на вуліцы Ленінградскай побач з вакзалам. Вакол месцяцца нейкія крамы, фірмы і фірмачкі, не спыняюцца бясконца прывакзальная мітусня... Толькі майстэрня ад апошніх хвілін Славінага жыцця пад замком.

Але сапраўдная майстэрня Вячаслава Дубінкі адчынена. Яна не толькі за вокладкамі кніг, выдадзеных пры ягоным жыцці. Яна ўсё шырэй і шырэй разгортваецца і зараз. Днямі намаганнямі жонкі Таццяны і сяброў у выдавецтве «Кнігазбор» выйшлі асобнай кнігай карацелькі, вось-вось з'явіцца альбом выцінанак і мастацкіх фотаработ...

Гэта майстэрня адчынена назаўсёды.

Крывенькі дый сляпенькі...

Лёкса Крываль прыкалдыбаў на вуліцу Майскі Пасад, што згубілася на ўскрайку Слуцака. Выкуліўся з прыгараднага цягніка, які прысоп з Асіповічаў. З худзенькім салдацкім хатулём за плячыма, у абкарнаным да каленяў шынялі, пэўна, з фрыцаўскага пляча. Хадок асцярожна абыходзіў вясновыя лужыны, каб не забрындаць файнага, блішчастага хромавага бота на правай назе. Левы ж бот трымаў пад пахай, абапіраючыся на кульбу-сукаватку. А вось другая нага — драўляны кругляк з гумавай набойкай — смела лезла ў гразь, у глыбокія лужыны. Два гады як скончылася вайна, прывецілі госьця хаты сіроцкія, а людзі насцярожаныя, душы іх даўно стомленыя...

І стаў жыць аднаногі франтавік у падслепаватай маўклівай Ксеніі Кнырык. Цешыліся яны ў часовай пабудове, што нагадвала прытулак партызанаў пад Будай Грэскай. Не хадок Лёкса, а спявак, не танцор, а на вострае слоўца ўдалец. А рукі працавітыя, чорныя ад нітак, голак, кравецкага рыштунку. Працаваў апантана, суткамі. Хутка ў абновах фарселі і Майскі Пасад, і вуліца Старобінская, і Вішнёвы закутак.

Кожную нядзелю Лёкса калдыбаў на кірмаш, нёс у заплечным хатулі пару новых храмавікоў на продаж.

Хутка і дзеткі пайшлі — усе дваіняткі. Першая пара — хлопчык і дзяўчынка. Другая пара — дзяўчынка і хлопчык. І трэцяя пара — хлопчык і дзяўчынка. Бачыш, якія шчодрыя буслы.

Харч не дужа мелі, вопратка сіроцкая, а дзеткі хутка падрасцілі — бацькам на ўцеху, суседзям на зайздрасць.

— Якія ж дзеткі паслухмяныя дый старанныя. Ад зямлі адна кепачка відна, чобаты пад паху, але ўжо ў хату дабро цягне, бацькам дапамагае, ай, залаценькія! — з зайздросным замілаваннем гаварылі суседзі. У многіх усяго адзін хлопец на хату, але і той гультай, двоечнік, прагульшчык, бадзяецца чорт ведама дзе, тытунь смаліць.

А Лёкса слухае зайздроснікаў і пасміхаецца, сыпле жартачкі. Ад настрою і спявае, а калі ж працуе — любя падзівіцца.

— Бачыш, які ўвішны, — дзівяцца мужыкі. — Калі толькі і кляпаць паспявае, кульгач, нізкарослік...

— А дзетак жа, любенькія, не нагой робяць, — неяк сарамліва апраўдвалася перад суседкамі Ксеня. Яе ж у тую пару, як Сталін грабкі склаў і ў трупярні з Ільчом залёг, медалём «Маці-герані» ўшанавалі.

І цяпер уваччу відочак. Бацькі цешыліся сваімі дзеткамі. Тыя ўвабраныя, што букеты, на маёвыя святы ішлі ў школьнай калоне, пабраўшыся за рукі...

— Крывенькі дый сляпенькі, а дзеткі залаценькі...

Так і пайшло — даўняя прыемная згадка...

Не сее, не жне, а зярняткі дзяўбе

Вясёлая пуга

Галоўная беларуская тэлескрыня натхнёна, колькі гадоў запар, апявае сельгасратнікаў, якія здароўе кладуць, бо апантана б'юцца за харчмагутнасць. Старшыні калгасаў дзіўнай трасянкай рапартуюць пра свае працоўныя рэдуты, каб пачуў самы галоўны старшыня.

Старшыні калгасаў — адчайныя барацьбіты за хлябец, разварысты бульбец, за кукурузу, за бурак і кок-сагыз. За 40 гадоў майго рэпарцёрства сустрэлася старшыняў — батальён з гакам. А пуга — іх галоўная зброя. Без пугі не будзе і камуніі.

Світанак майго фотахрышчэння, апагей царствія Мікіты Хрушчова. Першая ходка ў калгас «Чырвоная змена», у вёску Сарочы — штаб арцелі. А вось і сам старшыня — Кузьма Іванавіч Шаплыка — у кветніку з пугай. Узмахне пугаўём, і белыя, жоўтыя астры падаюць, як пасечаныя. Зірнуў на мае прычындалы, абшарпаную скураную кайстру і па-хлапечы трыбушыць сваю рыжую чупрыну, гарэзліва смяецца, хваліцца файнай пугай:

— Каб не яна, не бачыць мне Героя. Не верыш! Малады, мала жыццём вучоны і благога не насёрбаўся. Калгаснаму старшыні без пугі — што камбату без нагана перад кідком на варожыя акопы, па сабе ведаю...

Кузьма Шаплыка — знакамітаць на ўвесь СССР. Як нарада ў Маскве — гукаюць Шаплыку. Ён і слоўца патрэбнае скажа з чырвонае трыбуны, партыі без такіх чальцоў — гамон! А без пугі — гамон Саветам.

— Калгаснага гультая, — працягвае Шаплыка, — трэба частаваць пугай зранку, ён і падахвоціцца перад працоўнай вахтай. Дый твая фотапуга нам вой як патрэбна. Так і да камунізму дамчым, паганяючы і пугай, і фотапернікам. Гэта каняку не пуга моц надае, а торба з аўсом...

Каля Дома ўрада, якраз каля помніка найжывейшаму з жывых, бронзаваму даўбелю ў жаночым палітончыку і з голай лысінай, мяне запыняе дзіўны стары. Дзве палатняныя торбы праз плячо. Вясковая світка-самашыйка, падпяразаная вяроўкай. Палатняныя нагавіцы дзіўна ўтырканы ў чорныя гамы, з якіх бачныя валёнкі, таксама самашыйкі.

Няўжо хадок па праўду з Гарадзішчаў? Па гамах бачу. Мой жа бацька Андрэй — найлепшы гамалёт на Случчыне. Напрыканцы пяцідзясятых да яго па гамы, дужа модныя на тую пару — чорныя з чырвоным кантам, шык! — прыезджалі аж з Украіны.

— Адкуль дзядзька па праўду ў сталіцу, дзе яе даўно няма?

— З Гарадзішчаў, што пад Слуцакам туляцца, — адказвае і дзівіцца, — маўляў, па-вясковаму гаворыце, на калгаснай мове. Пэўна, вартаўніком хлеб бярэце, бо ўсе грамацеі даўно па-гарадскому мянташаць, пад расейшчыну падлабуньваюцца.

— Які ў вас клопат, дзядзька? — асцярожна дакранаюся да дзядзькавае торбы.

— Вой, братачка. Праўду шукаю, а яна, як сабака валачашчы, збягае, хаваецца. Хацеў зрання надыбаць начальніка, які вясковы пенсійны пракарм дзеліць. Мне ж плоцяць столькі, што курам на проса не хапае. Я ж у калгасе знасіўся, нат расточкам паменеў. Цэлы дзень хаджу, шукаю, а мяне бяруць далікатна пад руку, вядуць вонкі. Адчыняць новыя дзверы, увапхнуць і — ходу. А там кабеты задочки муляюць, гладкія, чыста ўбраныя, паперкамі вочы слепяць. А мужыкі слухаўкі каўтаюць, ледзь не спяваюць. Уй жа, бачыш, колькі разумных, а я ў гамах хаджу. І бацька ў іх красаваўся, і маці, і бабця.

Дзядзька доўга, са смакам апавядаў пра бясконцы шпацыр па казённым доме, дзе баб гладкіх — што кураслепу ў полі. І кожнай дай на добрыя валёнкі, паддзёўку цёплую, у вясковых гамах яна не пойдзе. Я спрабую нешта сказаць, наўрад ці спатрэбіцца мая дапамога, у гэтым тлуме я і сам бездапаможны.

Дзядзька зірнуў на вераб'ёў, што ўселіся на кумпал Ільчу, і весела прагаварыў:

— Верабей гэтаксама, як і гладкія цёткі ў казённым доме, не сее, не жне, а зярняткі дзяўбе.

Пра ваўка і карэспандэнта

Любанская газета «Будаўнік камунізму» паўстагоддзя таму натхняла мяне, яшчэ зялёнага фотамальца. Рэдактар Бахар нагадваў: без файных фотак раёнка — што акупная праўда, а працоўны люд падбадзёрыць трэба.

— Здымачкі рабі вясёлыя, як песні, не трэба фотаплямаў панурых, як з пахавання, затурканых клопатам ударнікаў пяцігодак, — натхняў мяне, фотакора раённага «балотнага рупара», Васіль Бахар, выпраўляючы ў новы фотазабег.

А бегаць даводзілася шмат, ад світанку да змярканку. Улетку сонейка падсвечвала без магніевай успышкі. За кожную фотку ішоў мне і адпаведны ганарар. У грашовым эквіваленце за фотку выходзіла два рублі з дробнымі. Калі накінуць рубель зверху, на пляшку хапала.

Камандзіраваўся аднойчы на хлебную Любаншчыну маскоўскі фотаас Яўген Халдзей, ад цэнтральнага рупара — «Праўды», той самы, які першым з ваенных фотакораў адзняў сцяг перамогі над рэйхстагам у маі сорок пятага. Я маладзён, а масковец і на пыльных палетках балотнага краю не стамляўся, рупіўся, цэліў, як фотаснайпер. За ўтомны дзень Халдзей некалькі калгасаў аблётаяў, а гадкоў фотаасу было ўдвая больш, чым мне. Камунікабельны, імпэтны, да кожнага «фотагероя» слоўца шчырае знойдзе.

Прыгадваю знакамітага фотакора. Сядзіць на возе з бульбай у саўгасе «Любанскі» і ў нямецкую «фоталейку» новы фотапатрон закладвае. Засмяяўся шчыра і павучальна, на ўсё жыццё напамінак:

— Зарубі, малец, ваўка і карэспандэнта ногі кормяць!

Бусенькі, бусенькі...

Мой плямяш — электрык мясцовае будмехкалоны. Будачоў штомесяц перапіхваюць з аднаго жабрацкага калгаса да яшчэ больш перадавога. А ў вольны ад перасоўкі час плямяш дае нырца ў горад. Высокі, стромкі, на нагах абутак — фірма, на плячах чорны скураны палітон, на белай кашулі — чырвоны гальштук. Не слуцкі піжон, а камісар з аптымістычнае казкі пра міравую гопкамунію. На рабоце яму плоцяць паўтары сотні лукашэнкаўскіх тысячаў. Дзе бярэ капейку на амерыканскія табакі, штовячэрняе буханне ў рэстарцыі? Матка дае, цягавітая, стомленая

жыццём кабета, даўно на пенсіёне, ледзьве самой хапае на нішчымны крупнік.

Сынава «абранніца» — дзябёлая маладуха, працуе медычнай сястрыцай у райбальніцы. Як сонейка за лясок закоціцца — маладыя за печку, там іхняя люля. Гучная музыка, вохканні, плямшавыя прыпевачкі пра дзевачак, якія прыгожых любяць...

Маці на гадзіннік: пара абіраць бульбу. Праз паўгадзіны «бусенькі» запатрабуюць вячэру, якраз мясячык на небе за сярпок трымаецца. Маці рашчыняе блінцы, трэба ж рыхтаваць начны перакус.

Уранні певень Тапатак горла дзярэ, маці хапаецца за копанку — і ў туманок росны, накупае бульбы, насмажыць яе з сальцам, яйкамі падфарбуе, а там рыхтуй ранішні смакалык «бусенькам»!

Прысядае матуля стомлена на зэдліку пад вільняй і жаліцца катку Гопчыку:

— Бусенькі, бусенькі, ні кала, ні дзіравага карыта, галюсенькія жабракі, п'юць, кураць, музыка раве на ўвесь агарод, сланечнікі трасуцца. Матка ж не вол, Бог гукне на неба, будуць вам бусенькі, пабяжыце галюсенькія!

БАЖ намінаваная на Прэмію Свабоды Атлантычнай Рады

Сёлетнюю ўзнагароду разам атрымаюць ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў», Праваабарончы цэнтр «Вясна» і «Свабодны тэатр». Пра гэта паведамляецца ў лісце, накіраваным на імя старшыні БАЖ Жанны Літвіной кіраўніком Атлантычнай Рады (Atlantic Council) Фрэдэрыкам Кэмпам.

ATLANTIC COUNCIL

«Атлантычная Рада, яе Праўленне і Міжнародны дарадчы камітэт адзначаюць вашу арганізацыю за яе мужную барацьбу за правы чалавека і свабоду слова ў Беларусі», — гаворыцца ў лісце.

Плануецца, што беларускія арганізацыі — лаўрэаты Прэміі Свабоды Атлантычнай Рады будуць уганараваныя падчас Сусветнага Форуму, які пройдзе 9–11 чэрвеня 2011 года ва Вроцлаве (Польшча). Форум збярэ некалькі соцень вядучых еўрапейскіх і амерыканскіх палітыкаў, бізнесоўцаў і аналітыкаў.

Атлантычная Рада — арганізацыя, што паўстала ў 1961 годзе ў ЗША, аб'яднаўшы шэраг грамадзянскіх ініцыятыў, якія падтрымлівалі Атлантычны Альянс. Яна займаецца пытаннямі міжнароднай палітыкі і бяспекі, еўрапейскай інтэграцыі.

Прэмія Свабоды Атлантычнай Рады ўручаецца з 2009 года. Першымі гэтую ўзнагароду атрымалі дзяржсакратар ЗША Хілары Клінтан, міністр замежных спраў Германіі Гіда Вестэрвеле, мэр Берліна Клаўс Воверайт, адмірал Джэймс Стаўрыдзіс, а таксама Лех Валенса і Вацлаў Гавел. Летась прэмію ўручалі былому прэзідэнту Польшчы Аляксандру Квасьнеўскаму, старшыні Еўрапарламента Ежы Бузеку, былому Высокаму прадстаўніку Еўразвяза Хаўеру Салану і кубінскай арганізацыі «Жанчыны ў белым».

Активісти БАЖ запальвають агні солідарності